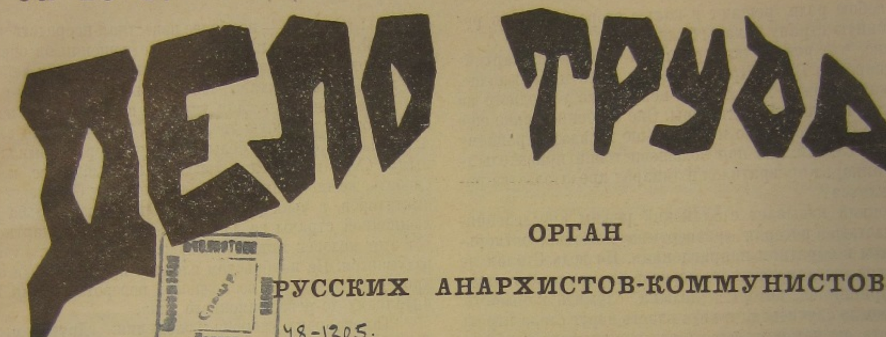
№ 46-47

ЦЕНА 10 ЦЕНТ.

ОРГАН

РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

МАРТ АПРЕЛЬ 1929 г.

« DIELO TROUDA » Journal Mensuel

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу :

Mr G. Franssen (pour Dielo Trouda) 9, rue de l'Eperon, Paris VIe

5-ый год издания

ИЗГНАНИЕ ТРОЦКОГО

В своей первой статье, написанной уже в изгнании (и напечатанной к позору Троцкого в буржуазной прессе), Троцкий начинает с того, что его высылка из России произвела большую сенсацию. Он хотел бы «пресечь эту сенсацию», так как «политика, преследующая высокие идеалы, должна избегать сенсации». В данном случае Троцкий вольно или невольно замазывает большой факт маленьким фактиком. Он должен бы понимать, что шум вокруг него создала не его личная политика, а лишь факт изгнания его из царства диктатуры, над созданием которой он поработал более кого либо другого. Троцкий и захват большевиками власти в октябре 1917 г.; Троцкий и диктатура ВКП — это всегда было неотделимо одно от другого. И вот этот деятель большевистской диктатуры оказался выброшенным в ряды белогвардейской эмиграции, как опасный и злой враг революции. Есть от чего произойти сенсации. Троцкий изгнан, — что же происходит в сов. России и что может произойти в ней в ближайшее время, — вот вопрос, равно обжигающий внимание, как рабочих, так и капиталистов.

В этом отношении сам Троцкий проливает некоторый свет.

В своем «директивном письме», послужившем формальным основанием для его изгнания из России, Троцкий говорит о быстро нарастающей правой опасности в рядах ВКП, лозунгом которой станет клич: «новые собственники, об'единяйтесь, иначе социалисты вас ограбят». В качестве идеологов этого направления в ВКП Троцкий называет Бухарина, Томского и Рыкова, пока что боящихся во всеуслышание призвать собственников к сплочению и ждущих своего часа. Нынешний режим Сталина, Троцкий определяет как *мост*, по которому новые собственники придут к власти. «Сталинский режим означает керенщину наизнанку... Функция исторической «керенщины» заключалась в том, что на ее спине власть от буржуазии перешла к пролетариату. Историческая роль сталинского периода состоит в том, что на его спине власть от пролетариата перейдет к буржуазии». Троцкий протестовал против этой роли «сталинщины» и предупреждал против надвигающейся правой опасности, опасности бонапартизма и за это был выброшен из рядов ВКП, а затем и из России. Все это прекрасно. Но во всем этом не дано об'яснения самому главному. В так называемом пролетарском государстве имеется правительственный аппарат, передвигающий в настоящий момент власть от пролетариата к буржуазии. Спрашивается, *кто же* руководит хозяйственными и политическими процессами революционной страны? Власть в стране имеется, при том власть твердая, это видно из того, хотя бы, что она без колебаний и осложнений выбросила из страны такого активного и популярного деятеля большевистского переворота, как Троцкий. Но чья эта власть? Рабочего класса? Крестьянства? Существует ли в СССР «диктатура пролетариата»? Согласно тезисам Троцкого, изложенным в его «директивном письме», на все это вопросы можно дать, очевидно только отрицательный ответ. Мы, анархисты, вполне согласны с Троцким в том, что большевистский режим подготовляет сдачу революции буржуазии. Но кто осуществляет это подлое дело? Несомненно не рабочий класс, принесший неисчислимые жертвы во имя социального переворота и продолжающий эти жертвы нести. Троцкий сам говорит, что «самокритика выродилась наполовину в комедию, наполовину в провокацию», и что задавленные насилием «рабочие не могут голосовать за диктатуру из страха перед давлением буржуазии, отраженным через партийный аппарат». Массы задавлены, массы молчат. Задавлена и партийная паства. Лишь в «бюрократическом курятнике» несколько актеров, распределив

между собою роли, решают в какую сторону тащить революционную страну и как ей жить.

Ясно, что революция предается буржуазии партийным аппаратом ВКП. Признание это, хотя и запоздалое, чрезвычайно важно потому, что исходит из уст одного из создателей партийной диктатуры. Оно особенно ценно еще и тем, что от него можно идти дальше и задать Троцкому вопрос — с каких же пор большевистский правительственный аппарат превратился в аппарат предательства рабочего класса?

Троцкий называет сталинский режим «послеленинской властью», которая «развертывает вообще октябрький фильм в обратном направлении». Но ведь Сталин не производил государственного переворота, не провозглашал новых принципов, которым должна служить комвласть. Как же могло случиться, что эта власть вдруг стала играть роль моста, по которому власть от пролетариата перейдет к буржуазии? В чем тут дело? Заключается ли причина в отдельных лицах, руководящих системой, или же зло заключается в самой системе? Троцкий склонен об'яснять перерождение большевистской власти злою волею отдельных лиц. Так, в его — Троцкого — изгнании, а также в ссылке ряда других большевиков-оппозиционеров он винит, главным образом, Сталина. Зерно правды в этом есть. Однако, факт этот говорит и другое. При партийной диктатуре не только возможно, но и *неминуемо* самодержавие узкой клики политиканов. Какая же цена системе, при которой такое явление и возможно и неминуемо? Ведь Троцкий обвиняет самодержавную сталинскую клику не только за себя лично, но и за попрание всех лучших завоеваний и заветов октября.

Что же явилось причиной такого положения вещей? На это Троцкий не отвечает. Будучи человеком не глупым, а подчас и проницательным, когда дело касается фракционных споров или суверенитета партии, он вдруг теряет способность видеть и понимать самые простые вещи, когда дело касается суверенитета масс. Он никак не может увидеть первопричину происходящей в Росси гибели революции. Между тем, нет ничего проще доискаться до нее.

Причина заключается в подмене воли трудовых масс волею партийного аппарата. В установлении института партийной диктатуры. Троцкому, который также, как и Ленин, вырос и воспитался на той мысли, что революцией должен *диктаторски* управлять штаб профессиональных революционеров; который на осуществлении этой мысли ухлопал всю свою жизнь, отказаться от этой мысли — значит потерять почву под ногами. Идея централизма и командования безраздельно владеет им. Он — механический солдат этой идеи. Поэтому то он внимание свое останавливает на разных бюрократических мелочах в той великой трагедии, которую переживает русская революция, и мелочами хотел бы поправить положение, при том не столько русской революции, сколько положение пошатнувшегося большевизма.

Троцкий подтверждает, что над всей страной господвует бюрократический аппарат, подчиняющийся Сталину. Самого Сталина он характеризует так (поскольку европейская буржуазная печать правильно передала его статьи): «Сталин — наиболее известная посредственность в нашей партии. В политическом отношении он очень узкий человек. В теории он очень примитивен. Он действует без всякой перспективы, повинуясь импульсу. Его политика полна зигзагов. Для каждого положения он изобретает соответствующую теорию. Он, нисколько не смущаясь, назовет сегодня белым то, что вчера называл черным». (Характеристика довольно верная, но ее, к слову сказать, можно применить к большинству большевистских диктаторов, в чьих руках успела побывать судьба революционной страны за 11 лет господства компартии). И вот этот человек тащит революционную страну, куда ему вздумается. На ноябрьском пленуме прошлого года он откровенно указал на возможность поворота России к капитализму до-революционного типа.

Такова одна сторона положения. Другую сторону Троцкий рисует так:—«Нынешняя пассивность масс—результат многих факторов — порождает колебания и нерешительность самих масс... Это стояние на перепутье, конечно, не может долго продолжаться. В массах должен возникнуть новый процесс кристализации, и при известных условиях он может пойти вперед с гигантской быстротой».

Какую же практическую программу хотел бы предложить Троцкий завтрашнему рабочему движению? Он предлагает, во-первых, вести борьбу с идейным влиянием на массы меньшевиков, эсеров и анархистов, а, во-вторых, требовать права тайного голосования для членов партии и членов профсоюзов. От требования тайного голосования при выборах в советы Троцкий уклоняется: опасается за судьбу партийной диктатуры. Поистине — гора родила мышь. Правом тайного голосования члены рабочих организаций и рабочих политических партий всегда пользовались и лишь при большевистской диктатуре, *обезличившей* и профсоюзы и партию, создалось положение, при котором о праве тайного голосования приходится мечтать, как о какой то несбыточной утопии. Но самое замечательное в тезисах Троцкого то, что он предупреждает против идейного влияния на рабочие массы анархистов, которые могут стать осью нового революционного потока масс. И он советует «разоблачить» их, наряду с меньшевиками и эсерами, как антисоветское течение.

В этом замечании обнаруживается полная бесцельность и бессодержательность борьбы Троцкого со сталинской контр-революцией. Троцкий многое позабыл и ничему не научился. Он мечтает о некоторого рода дворцовом перевороте, не видя того, что массы стонут не оттого, что во дворе находится плохой диктатор, а оттого, что их вообще давит *диктатура двора*. Русская революция оказалась задушенной и разложенной, главным образом, потому, что большевизм, воспользовавшись своим преобладающим положением в революции, установил в ней диктатуру своего центрального комитета, перешедшую в единоличную диктатуру отдельных партийных лидеров. Сначала диктатура истребила все идейно расходящиеся с ней революционные течения, а затем стала пожирать самое себя. Психология всякой диктатуры и всякого диктатора такова, что она не может солидарно сотрудничать,

не может терпеть равных около себя и даже в своей узкой среде производит идейное и физическое удушение тех, кто осмелится противоречит « главному » среди диктаторов. Мы были свидетелями политического убиения масс, убиения отдельных революционных партий и организаций, наконец убиения ряда большевистских вождей — Зиновьева, Каменева, Преображенского, Радека, Троцкого и т. д. Среди господствующей диктаторской группы отношения сейчас таковы, что не сегодня-завтра врагом народа и революции будут возможно об'явлены Бухарин, Рыков, Томский, а может быть, обратно — Сталин и клика его приближенных. Соревнующие диктаторы прекрасно знают друг друга, друг в друга не верят и лишь ловят благоприятный момент, чтобы спровадить своего соперника по власти в ту или иную яму.

Вот то, что кроется под пышной вывеской «диктатуры пролетариата».

Троцкий хотел бы эту вывеску и все основания для нее, т. е. диктатуру компартии, оставить в неприкосновенности. Это видно хотя бы из того, что право тайного голосования для широкой рабочей массы Троцкий не требует: он понимает, что тайное голосование в партии укрепит его положение в органах диктатуры, но тайное голосование широких масс может опрокинуть всю систему партийной диктатуры, вне которой такие люди, как Троцкий, Сталин и т. д. потеряют все свое надутое и никому не нужное значение. Троцкий наивно убеждает, что его деятельность под этой вывеской будет иной. Иной ли? Лозунг тайного голосования может собрать ему больше сторонников в партии. А потом? Потом все останется по старому, за маленькими изменениями, вроде перемены названия городов, которые носили имя либо одного, либо другого конкурирующего большевистского сановника. Больших «реформ» от этих людей масса не может ждать. Поэтому то она до сих пор не проявляла активного интереса к борьбе, идущей между оппозицией и сталинской кликой. — «Хрен редьки не слаще» — этой формулой лучше всего можно охарактеризовать отношение революционной рабочей среды к происходящей склоке на большевистских верхах.

Подлинная революционная борьба за идеалы социальной революции возможна только на анархических путях. Лишь на этих путях рабочий класс и крестьянство смогут освободить свою волю из тисков диктатуры чуждых им людей и выявить свои могучие творческие способности. И если в ближайшее время рабочему движению в СССР суждено подняться на ноги и повести борьбу с диктатурой, оно будет вести эту борьбу в свете анархической идеологии и анархических принципов, ибо всякая иная борьба против диктатуры для рабочего класса не имеет смысла. А Троцкий боится такого характера рабочего движения и даже теперь, будучи извален и растоптан диктатурой Сталина, он, во имя все той же диктатуры, торопится помешать рабочему движению встать на единственно здоровые и спасительные анархические пути. Из этого можно видеть, на каком чудовищно большом расстоянии он все еще продолжает находиться от дела подлинного раскрепощения и освобождения революционного труда.

П. Аршинов.

О ЧИСТКАХ ПАРТИЙНОЙ И СОВЕТСКОЙ

«Сто неисправимых бюрократов, мозолящих глаза массам на «видных» постах, приносят больше вреда делу, чем это могут исправить десять тысяч честных рядовых коммунистов. Не даром советский бюрократ становится одной из наиболее ненавистных фигур нашей современности».

Эти слова принадлежат никому другому, как Зиновьеву. Этот бывший оппозиционер, изменивший своим товарищам по левой оппозиции, назначен сейчас, в награду за свою измену, спецом по делу чрезвычайной важности, «чистке партии». Для уяснения себе тех настоящих целей, которые партия себе ставит, предпринимая настоящую чистку, чрезвычайно характерно, что никто иной, как Зиновьев ратует за нее, Зиновьев недавно сам вычищенный и раскаявшийся, Зиновьев, изменивший своим товарищам, человек, которому ни один честный рабочий не может больше верить, самый жалкий и лживый из большевистских вождей.

То, что он начинает так близко принимать к сердцу дело «чистки партии», уже само должно убедить рабочих, что где-то тут зарыта собака, что этот вечно ползающий на брюхе исполняет какой то новый «социальный заказ» настоящих господ ВКП, сталинской клики, и что острие чистки направлено не на бюрократов, а на какого-то другого врага, на тех, кто «при иных условиях находился бы в рядах социал-демократии или другой разновидности мелкобуржуазного социализма». А известно, что под «другой разновидностью мелкобуржуазного социализма» большевиками понимаются все левые коммунисты, — словом все, кто не хочет лизать сапоги Сталину, и верные своим принципам, предпочитают ссылку и тюрьму дальнейшему служению Сталину. Как бы мы ни относились к идеологии левой оппозиции, но травля ее такими «вождями» революции, как Зиновьев, не может не вызвать у нас презрения и к нему, и к тем, кто его на оппозиционеров натравливает.

Однако в своих вышеприведенных суждениях о «ста бюрократах» Зиновьев прав. Больше того, он даже прав, когда определяет, от кого, собственно, следовало-бы партии освободиться.

«Цель чистки» — пишет он: «освободить партию от разложившихся, от карьеристов, от неисправимых бюрократов, от затесавшихся в нее чужих людей... от отрывающихся от массы, не говоря уже об антисемитах, растратчиках, вредителях и т. п. «вредных насекомых, от блох-жуликов, от клопов-богатеньких и прочее и прочее». Прекрасные слова! Не зная Зиновьева, его, пожалуй, можно было бы невзначай полюбить за ту славную огромную за-

дачу, которую он так бесстрашно ставит и перед собой и перед партией, так достойно и мужественно представляемой им в своей революционной работе.

Но это еще не все. Зиновьев, получив от Сталина «заказ» разошелся, что говорится, не на шутку. Не за страх, а за совесть ратует он за рабочие массы. Имеющие уши —да слышат, имеющие глаза — да видят, что пишет Зиновьев в «Правде» жирным шрифтом, о задачах «чистки»: «*Максимально разбудить энергию рабочих масс. Максимально поддержать их инициативу. Всесторонне поддержать их самодеятельность. Развязать их творческие силы. В этом сейчас задача всех задач*. Этому должна содействовать и чистка».

«Умри, Зиновьев, лучше не напишешь!» Кто бы мог подумать, что эти цели преследуются чисткой, под острие которой, главным образом, попадают те немногие честные коммунисты, которые дерзают «свое суждение иметь» в самой партии. Теперь становится понятным, почему именно Зиновьеву передан этот «социальный заказ». Кто бы кроме него мог так цинично распространяться и об инициативе рабочих и об их самодеятельности и о развязывании их творческих сил, как о «задаче всех задач» ВКП?

Как на практике идет борьба с бюрократизмом и прочими гнойниками ВКП и советского аппарата и как эти гнойники удаляются «чисткой», об'ясняет нам Петерс. Он прямо говорит: «*при таком положении чистка в значительной мере проходит вхолостую*» (курсив Петерса). А при каком положении? На этот вопрос — Петерс — дает нам очень пространное об'яснение. «Когда вычищенные быстро устраиваются снова на служ-бу в другое учреждение, когда бывшие министры устраиваются на пенсии, на совершенно законном основании, когда перед бывшими каторжниками или участниками гражданской войны двери учреждений захлопываются со словами «штаты заполнены, нет места», а учреждения эти полны бюрократами, волокитниками, людьми разложившимися, абсолютно непригодными и неспособными, неспециалистами, устроенными по протекции или старыми дряхлыми чиновниками»...

Чистка советского и партийного аппарата тесно связаны между собой. Мы видим по картине, нарисованной Петерсом, в каком состоянии находится советский аппарат. Мы не должны сомневаться, что из партии все подхалимы и карьеристы будут вычищены, ибо за чистку взялась такая кристальная личность, как Зиновьев. Какое же будущее принадлежит в таких условиях партии? Какие революционные силы останутся еще в ней, когда последние оппозиционеры благополучно прибудут в Нарым?

Для подлинной чистки партии и аппарата от вредных элементов необходимо не зиновьевское ползание на брюхе перед начальством, а способ, правда, старинный, но зато очень действенный, каким были во время оно вычищены Авгиевы конюшни. Но этот способ не по плечу Зиновьевым и Сталиным. За него могут взяться лишь честные и крепкие руки рабочего класса. И нет сомнения, — рано-ли, поздно-ли, рабочий класс обратится к этому способу. Не может не обратиться, ибо партийные и государственные гнойники угрожают его существованию.

Я. Линский.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА

Антисиндикальное течение в анархо-коммунизме

(Продолжение).

Перейдем же теперь к характеристике этих двух основных направлений по существу одной и той же анрхо-коммунистической мысли. Предварительно только несколько слов об истории возникновения этих течений, о начале, источнике их разногласий. Как мы уже указывали, расхождения идут не по линии основных идей и принципов анархического коммунизма. В этом оба эти течения едины и по существу анархо-коммунистичны. Расхождения начались с того, как различные группировки анархистов представляли себе конкретные пути борьбы за коммунизм, формы, методы этой борьбы с одной стороны и роль, задачи, организационные формы идейного, анархического меньшинства в этой классовой борьбе трудящихся — с другой. Вот в этих двух комплексах вопросов, до сего времени недостаточно ясных, неразработанных, а потому и спорных, и лежит корень начавшихся, а затем все более обострявшихся и углублявшихся расхождений. Таковы общие причины этого явления. Однако, непосредственной причиной этих разногласий, этого раскола в лагере революционного коммунистического анархизма было различное отношение к вопросу о синдикальном методе борьбы трудящихся, различная оценка роли и значения производственных об'единений трудящихся в их борьбе за свое освобождение. Одни — будущие анархо-коммунисты — отказывались видеть в легальных синдикатах, ведущих борьбу за повседневные нужды и интересы, орудие революционной борьбы трудящихся. Участие анархистов в этих синдикатах, в их повседневной борьбе за частичные требования и улучшения, они рассматривали, как злейший опортунизм и соглашательство. Они были яркими представителями интеллигентского бунтарски-проповеднического понимания классовой борьбы и путей революции. Свою роль они видели в чистой проповеди словом или бунтарским мятежным «делом». Другие — будущие анархо-синдикалисты шли в рабочую массу, в их производственные об'единения, принимали участие в организованной борьбе трудящихся за повседневные нужды и интересы. Так единый лагерь анархического коммунизма разделился на два крыла: крыло синдикального анархо-коммунизма (так наз. анархо-синдикалисты) и анти-синдикального (так наз. анархо-коммунисты *).

---

*) Говоря, *так называемое* анрхо-коммунистическое течение в анархизме, я хочу этим подчеркнуть, что речь идет не о том, что идея и основные принципы анархического коммунизма являются течением в анархизме. Я хочу этим сказать, что под так называемым анархо-коммунистическим течением следует разуметь антисиндикальное, сектантское, бунтарски проповедническое тече-

Однако, как мы видели, эти тактические расхождения были далеко не случайностью, далеко не частным вопросом, далеко не только практическим расхождением. Эти, только с виду, частные тактические расхождения, однако, имели под собой серьезные, более глубокие основания. Споры и прямо противоположные отношения к синдикальному движению рабочего класса, к его повседневной борьбе являлись только частным следствием, известным узловым концентрированным выражением различной установки в некоторых теоретических и принципиальных тактических вопросах. Эти расхождения накопились на различном понимании путей революционной классовой борьбы трудящихся, роли масс и их организованности в этой борьбе, на различном понимании роли задач революционного анархического меньшинства, его взаимоотношений с социальным фронтом труда, его классовыми организациями и т. д. Именно благодаря этому не совсем случайному и далеко не частному характеру расхождений, они и приобрели затем более широкое значение, углубились, обострились, разумеется не без некоторого искусственного преувеличения, вплоть до реского противопоставления друг другу.

То чем было и есть это, так наз. анархо-коммунистическое течение, как в дореволюционный период, так за редким исключением, в его нынешне виде (поскольку оно остается на старых позициях) сложилось не сразу. Этот претендент на монополию анархо-коммунизма в нашем движении ведет свое начало у нас в России от «безначальцев», «чернознаменцев», 1903-5 г.г., с их ярко выраженной анти синдикальной, интеллигентски-проповеднической позицией. А в западной Европе от аналогичной полосы сектански-бунтарской террористической волны в развитии нашего движения в конце 19 века. Отчасти, это антисиндикальное течение питается, берет свое начало также и от некоторых, плохо понятых и преувеличенных — не в меру усердными последователями — некоторых моментов и мест в писаниях наших учителей, которые — к слову сказать, как бы это ни шокировало слух наших стопроцентных «ортодоксов», — страдали, как и все анархическое движение, изрядной долей проповедничества, слишком проповедническим пониманием роли анархистов, как идейно-революционного меньшинства. И с другой стороны отличались, если не так переоценкой и в одно и то же время сужением и ограничением роли, значения и обязанностей так наз. революционного меньшинства, — то во всяком случае, и что будет правильнее, как бы эти парадоксально не звучало для некоторых, страдали некоторым преумалением, непониманием значения, всей важности и необходимости широкой классовой, в повседневной борьбе систематически подготовляемой, организованности трудовых масс и нашего организующего участия в этой борьбе и работе. Во всем этом несомненно сказывались еще не изжитые «хвосты» народнического суб'ективизма и идеализма*). Отдельные места и намеки в этом духе,встречающиеся в писаниях наших учителей на фоне неразработанности нашей теории, — чрезмерно раздутые темпераментными учениками, глав. обр. из интеллигентской среды, чему несомненно способствовал непроизводственный характер этой общественной прослойки — и явились одним из тех идейных источников, который отравил часть анархистов и весьма значительную, как в России, так и на западе, анти-синдикальным духом. Превратил их фактически в сектански-проповедническое, бунтарское течение в анархо-коммунизме. Так в двух словах выглядят некоторые исторические и идейные корни этого течения.

А. Бородин.

(Продолжение следует).

нию в анархическом движении, по ряду причин присвоившее себе название анархо-коммунистического. Должен еще оговориться, что в этой главе, как и в последующих говоря об анархо-коммунистическое *течении*, я имею ввиду именно это антисиндикальное, сектантски-проповедническое крыло анархо-коммунизма.

Примечание. *) Все эти вопросы и особенно о проповедничестве в анархизме, будут мною подробно и обстоятельно разобраны в отдельном очерке о роли и задачах анархистов в революционной классовой борьбе трудящихся. Сейчас же во избежание недоразумений, должен оговориться. Наши учителя Кропоткин и особенно Бакунин признавали синдикальный метод, как одну из форм революционной классовой борьбы трудящихся, но все это не исключало их боления проповедничеством, что было и, к сожалению, в значительной мере, остается еще и сейчас, общей болезнью всего нашего движения. Болели некоторым преуменьшением роли и значения широкой организованности и подготовляемости масс, нашего организующаго участия в этом деле и т. д. А некоторые, вскользь брошенные мысли и места, не в меру усердствующими учениками, могли быть истолкованы и в антисиндикальном духе. Все это надо признать и понять, что те решения, та ясность и определенность, которые стали возможны сейчас, об'ективно исторически не были еще возможны тогда. И что мы были бы слишком плохими учениками жизни, и еще худшими учениками наших учителей, если бы ничему не научились за последние годы, некритически повторяли бы слово в слово наше прошлое, не двигались бы вперед. Такой догматизм и консерватизм мысли несомненно заслужил бы самого резкого порицания и со стороны наших учителей, которых мы сейчас вынуждены тревожить.

ИЗ ПИСЬМА ССЫЛЬНОГО

Жизнь наша в общем однообразна. Мы остались, вроде как временных заложников, на свободе. Нас пока не трогают, но за каждым шагом следят. Иногда доходит до смешного. Правда, теперь успокоились, убедившись, что мы ничего общего не имеем с оппозицией. Всех, кто был связан с оппозицией, замели еще в прошлом году, среди них как курица во щи, попал Пиро. Теперь он в ссылке в Оренбурге на 3 года, а его прекрасный архив, над которым все старались, конфискован. За что его взяли? Аллах ведает, он ни с кем не был связан, ни с оппозицией, ни с иными и держался вообще в стороне. Сейчас тоже большие аресты ком. оппозиции; за это время вымели до 300 человек... В Самаре были аресты нашей братии и лев. с.-р.; тюрьмы наполняются.

Мистики продолжают разлагать движение, клевещут на нас, (достается за компанию и «Д. Тр.»). Часть молодежи идет за ними; но скоро их разоблачим до основания. Вы должны помочь в этом отношении.

Второй лагерь группируется вокруг Ярчука. Это тоже бывшие, но иной квалификации. Повидимому, Ярчук хочет взят свой реванш; пока что на него мало обращают внимание и это бесит его. Самолюбие огромное и оно мешает ему дольше «быть в тени и оставаться на задворках партии. Вот и старается. Правда, бюро их последнее время мало чем проявило себя. Может быть повлияло и то обстоятельство, что выступление Камышева (бывшего макси-ста с.-р.) в Губотделе союза пищевиков, где он ратовал «за левую конференцию», сорвалось и он был даже избит рабочими анархистами. Будет ли еще попытка реализовать эту затею, неизвестно. Цель у них одна: создать иллюзию массового вступления в РКП, для большего эфекта.

Теперь несколько слов о нас. Вопросы организационные и тактические всюду стоят в порядке дня и это уже большой шаг вперед после застоя и мертвячины последних лет. Идея Платформы встречена сочувственно и в основном многими разделяется. Идет усиленная переоценка по вопросам идеологии, по вопросам теории и тактики. Настроение бодрое. Но пока не вычищены Авгиевы конюшни в области идеологической и организационной, никакая работа не возможна. Ведь нам предстоит впереди не вспышко-пускательство и бутафория, а длительная и упорная проработка целого ряда вопросов. Нужно приучиться коллективно прорабатывать проблемы анархизма и раз навсегда покончить со всевозможной отсебятиной. Что ни человек, то направление. Только пройдя эти этапы, мы сможем перейти к следующим.

Положение большинства из нас скверное: безработица душит без конца. А те, кто вернулись из ссылки и сидят по провинциям, буквально пухнут с голоду. Ни работы, ни перспектив... Очень тяжело живется; то, что было 7-8 лет назад, ничего общего не имеет с тем, что стало.

Д—о.

КОНФЕРЕНЦИЯ АНАРХИСТОВ СЕВ. АМЕРИКИ И КАНАДЫ

РЕШЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ ФЕДЕРАЦИИ А.-К. *ГРУПП С. ШТАТОВ И КАНАДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ* 9 И 10 ФЕВРАЛЯ 1929 Г.

На Конференции присутствовали делегаты из следующих городов: Акрона, Балтимора, Юнгстауна, Детройта, Кливланда, Рочестера и Нью-Иорка. Письменные решения на Конференцию были присланы след. группами: из Чикаго, Лос-Анжелос, С.-Франциско, С.-Луис, Бостон, Бетлегем и Монтреал, Канада. Были присланы также письма на Конференцию от Коллектива анархо-коммунистов и синдикалистов из Москвы, от заграничной организации ан.-ком. «Дело Труда» и от группы «Бунтарь» из Южной Америки, а равно и личные письма от т.т. Махно и Худолея. Во всех письмах из загрницы интеллигентные работники анархического движения выражают свое удовлетворение по поводу того, что анархическое движение в Сев. Америке вышло, наконец, из состояния организационного и духовного застоя на путь определенного и ясного а.-к. формирования.

Разбирались следующие вопросы: 1) Доклад с мест: Из докладов и присланных корреспонденций выяснилось, что работа групп на местах ведется не совсем удовлетворительно из-за отсутствия лекторов и агитаторов, однако, в группах замечается идейная спаянность и «Д. Т.» распространяется удовлетворительно.

2) Отчет федеративного секретаря: Выяснилось, что в состав Федерации входит 16 групп и секретарь выполнял возложенную на него федер. работу исправно. Отчет приняли, избрав Ревиз. Комиссию для проверки финансовой книги Федерации.

3) Об организационной платформе: Принимая во внимание, что Платформа является лишь проектом, Конференция предлагает группам на местах разбирать затронутые платформой вопросы и свои решения посылать в «Д. Т.» для напечатания.

4) О «Деле Труда»: Соответственно директивам групп, Конференция считает «Д. Т.» своим федеративным органом анархо-коммунистического направления, а посему — рекомендуется группам и отдельным товарищам распространять и оказывать журналу «Дело Труда» моральную и материальную поддержку. Дабы удержать «Д. Т.» на должной высоте и идейной чистоте, Конференция настоятельно рекомендует издательской группе воздержаться от помещения в «Д. Т. полемических статей с резкими выражениями по адресу противоположной стороны.

5) Об издании анархического органа в Сев. Америке: Конференция признает необходимым иметь свой местный печатный орган, но так как наличных средств для издания такового нет, решено собирать подписку и пожертвования для будущего органа.

6) Об издании литературы: Решено издавать книги научно-анархического содержания и в первую очередь издать Историю Анархического Движения.

7) О журнале «Бунтарь»: Конференция приветствует появление в свет «Бунтаря» в Юж. Америке и рекомендует группам и отдельным тов. оказывать всяческую помощь.

8) О «Голосе Труда»: Считая «Г. Т.» анархическим органом, но принимая во внимание нетактичность его руководителей, допускающих такие упущения, как помещение статьи «Зло, с которым нужно бороться», авторы которой бросают ложное обвинение сотрудникам «Д. Т.» — в «антисемитизме и анархо-хулиганстве», а равно и то, что Исп. Комиссия «Г. Т.» отказалась поместить заявление т. Худолея о его выходе из состава сотрудников «Рассвета», и ввиду того, что руководители «Г. Т.» считают, что наше северо-американ. движение якобы приняло

антианархическую форму, Конференция, поэтому, не может рекомендовать товарищам распространять таковой.

9) О помощи заключенным анархистам в России: Конференция рекомендует группам собирать средства в пользу заключенных и направлять в О-во помощи политическим заключенным в С.-Луси, Мо.

10) О помощи больным товарищам: Во всех случаях заболевания товарищей рекомендуется группам собирать средства и помогать больным.

11) О музее имени Кропоткина: Конференция выносит свой протест против действий группы мистиков в музее им. П. Кропоткина и считает, что музей должен находиться под полным контролем революц. анархистов, последователей Кропоткина.

12) О преследовании анархистов в России: Зная, что наш словесный протест не может повлиять на большевистских диктаторов в смысле прекращения преследований анархистов в России, все же Конференция не может не выразить большевистским диктаторам своего презрения, а томящимся в большевистских застенках товарищам Конференция выражает свое искреннее сочувствие и шлет свой братский привет.

13) Выбор федеративн. секретаря: Временн. секретарь избран *П.*

***

ПИСЬМО РОССИЙСКИХ АНАРХИСТОВ КОНФЕРЕНЦИИ АН. КОМ. ГРУПП С.-АМ. И КАНАДЫ

Дорогие товарищи,

С большой радостью узнали мы о росте анархического движения русских колониях обоих Америк и о том, что Вы на разрешение созываемой вами очередной конференции ставите ряд организационных вопросов, являющихся актуальнейшими вопросами нашего движения в данном фазисе его развития.

Сейчас нам — анархистам, разбросанным в разных концах земного шара, важно, как никогда, сплотить наши ряды для общей борьбы за освобождение. Уже произведенная Вами задолго до предстоящей конференции радикальная чистка анархических рядов от «рассветовщины», вызвала глубокое удовлетворение в среде наших товарищей. Ибо «рассветовщина», выступающая под маской анархизма, и у нас в России принявшая форму «мистического анархизма», является глубоко реакционным, пытающимся разложить наши ряды, движением.

Мы уверены, что конференция окончательно разоблачит и заклеймит это позорящее анархизм явление.

В условиях советской действительности приходится вести борьбу на два фронта — отстаивать чистоту наших принципов от натиска государственнической идеологии (так называемого анархо-большевизма) и упадочнических настроений, наиболее яркое выражение получивших в «мистическом анархизме».

Годы империалистической войны, вызванный ею распад анархического интернационала, разлагающее влияние идей оборончества в нашей среде вызвали частичное извращение наших основных принципов и подготовили почву для разнообразных псевдо-анархических течений.

Мы, представители коллектива русских анархо-коммунистов и анархо-синдикалистов шлем вам товарищеский привет.

Итак, еще раз желаем вам полного успеха в вашей борьбе за утверждение в незыблемой чистоте и полноте принципов революционного анархизма. Крепите связь между товарищами. Готовьтесь к грядущей революции!

С анархическим приветом от коллектива русских анархо-коммунистов и анархо-синдикалистов:

(подписи).

***

НА ВЕРНОМ ПУТИ

(Письмо из Америки).

За последние десять лет, со времени разгрома Федерации Союзов Русских Рабочих, издававшей в начале 1919 г. еженедельный анархический орган «Хлеб и Воля», — русское анархическое движение в Америке пережило период застоя в своем дальнейшем развитии. Благодаря тому, что одна часть русских анархистов была депортирована (в декабре 1919 г.), американским правительством в Россию; что другая часть, разочаровавшись в работе, совершенно отстала от движения; что, наконец, третья часть занялась мелкой, культур-трегерской работой, — русское анархическое движение в Америке в настоящее время разбито на несколько течений и группировок. Все издававшиеся до сих пор анархические издания, как-то «Волна», «Буревестник», «Американские Известия», «Анархический Вестник» (последний — в Европе) не сумели об'единить или группировать вокруг себя русских анархистов в Америке, и все попытки возродить прежнюю анархическую работу в более или менее широком масштабе до сих пор не увенчались особенным успехом.

В настоящее время в нашем анархическом движении выявляются два течения: одно так называемое «рассвето-пробужденческое», и другое — течение, представляемое Федерацией Анархо - Коммунистических Групп Америки и Канады. Собственно, «рассвето-пробужденческое течение не есть анархическое течение, ибо теперь, после разоблачения « анархической » деятельности руководителей « Рассвета » и « Пробуждения » и их рядовых членов, ни для кого уже больше не тайна, что «Рассвет» не анархическая газета, равно как «Пробуждение» не анархический журнал. И хотя в рядах русской прогрессивной колонии все еще находятся защитники «Рассвета» и «Пробуждения», в своем заблуждении верующие в чистоту «анархических принципов» этих изданий, тем не менее, ряды «рассветовцев - пробужденцев» редеют все больше и больше и близко уже время, когда от «Рассвета» и «Пробуждения» останутся одни лишь печальные воспоминания.

Зато, анархическое течение, представляемое Федерацией Анархо-Коммунистических Групп, насчитывающей в настоящий момент в своих рядах 16 организаций (правда, численно небольших), давно отмежевавшись от «рассветовщины» и «пробужденчества», стало на путь определенной анархической работы. Зная, что «рассветовцы - пробужденцы», в своем стремлении обезличить анархизм и вообще подорвать анархическую работу, на-

несли анархическому движению известный непоправимый удар, члены Федерации стараются теперь очистить ряды своих групп и организаций от всякого постороннего, неанархического элемента. И в этом их стремлении они пользуются большими успехами.

Работа Федерации, долгое время страдавшая неопределенностью и идейной мешаниной, за последние два-три года, благодаря серьезному влиянию анархического органа «Дело Труда», принимает все более и более определенный, стройный и устойчивый характер. Многие неясные и спорные вопросы, как, например: отношение к «Организац. Платформе» и «Ответу» на нее, отношение к Анархической Партии, вхождение или невхождение анархистов в существующие рабочие и прогрессивные организации («Общества Взаимопомощи» — у нас в Америке) — эти и другие вопросы в настоящее время более или менее выяснены и освещены с достаточной определенностью и убежденностью. Лучшим доказательством этому может послужить Конференция Федерации А.-К. Групп, состоявшая 9-10 февраля с. г. и принявшая определенное отношение по некоторым важнейшим вопросам нашего движения.

Хотя по вышеуказанным трем вопросам Конференция не вынесла оффициальных решений, но из общей дискуссии делегатов выяснилось, например, что вся Федерация (за исключением *одной* небольшой группы) вполне согласна с принципами или положениями, изложенными в «Организационной Платформе» и не разделяет мнений и взглядов «Ответа» Волина и его друзей. Выяснилось также и то важное обстоятельство, что «Платформа», являясь коллективной работой нескольких товарищей, есть только план или проект *предварительной* анархической программы, в то время, как «Ответ» — работа одного т-ща Волина и, как таковой, является законченным и закрепленным делом, в святости которого не должно сомневаться... И хотя бы поэтому, Волинский «Ответ», не встретив вообще радостного приема со стороны русских анархистов, не пользуется большим влиянием в наших рядах.

Далее выяснилось, что по вопросу об Анархической Партии Конференция высказалась в защиту точки зрения «Организационной Платформы», признав анархическую организацию однородного, а не смешанного типа (как предлагает, напр., «Ответ»). Хотя слово «партия» является своего рода пугалом для некоторых анархистов, тем не менее, оно лучше всего подходит к нашему анархическому движению, ибо партия означает отбор анархистов в самостоятельную анархическую организацию, исповедующую определенную идеологию и — вместе с тем — отмежевание анархического движения от всяких «рассветовцев», «пробужденцев» и вообще «свободников» анархо-хаотического толка.

По вопросу же о вхождении анархистов в рабочие организации, Конференция высказалась в том смысле, что не выступая принципиально против участия анархистов в рабочих организациях, она все таки предостерегает товарищей от вхождения в качестве членов в так наз. «Общества Взаимопомощи», считая, что эти «Общества» носят централистский, национальный и противорабочий характер.

Такие, в общем верные, взгляды и убеждения, надо заметить, разделяются не только организованной частью русской анархической колонии, но до известной степени также и многими рабочими, стоящими вне рядов организованного анархического движения. В этом мне недавно пришлось убедиться, раз'езжая с лекционной целью по некоторым городам Соед. Штатов. Во всех тех местах, где мне пришлось выступать с докладами, главным образом, по некоторым теоретическим и организационным вопросам анархизма — в Балтиморе, Бостоне, Филадельфии, Акроне, Кливланде и Сент-Луисе, — слушатели выявляли живой интерес к анархизму вообще и к анархической программе в особенности. При чем, в последнем случае, особое внимание уделялось «Организационной Платформе», как серьезной попытке обосновать анархическую программу, положительное отношение к которой приводило, в некоторых случаях, наших анархо-хаотиков в ярое негодование.

Хотя русское анархическое движение в Америке в настоящее время очень слабо развито, все таки, нет никакого сомнения, что, находясь на верном пути — на пути организации своих сил и определенной анархической работы, — оно сумеет в недалеком будущем окрепнуть, широко развиться и вообще стать на должную анархическую высоту.

Л. Липоткин.

И. В. ХАРХАРДИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АНАРХИЗМА В РОССИИ

(Продолжение).

Глава II.

УТОПИИ XVIII-го ВЕКА.

Утопизм и его значение. Ф. Фенелон и его утопия о Бетике. «История троглодитов» Монтескье. Сравнение обоих утопий. Влияние их на русскую литературу. В. А. Левшин и его роман. «Новейшее путешествие. Сочинено в городе Белеве». М. Д. Чулков и его утопия о жизни на луне. «Различные повествования, сочиненные некоторою Россиянкою». Сравнение всех рассматриваемых утопий и выводы.

А. И. Герцен как то сказал, что социализм должен был начаться с утопии. Это утверждение применимо в равной мере и к анархизму. «Мечтатели и провозвестники новых политических и социально-экономических оснований общественного устройства придавали своим планам ясность и занимательность, излагая их в виде романов или путешествий. Беллетристика, став излюбленной формой выражения социалистической мысли, обрисовала государство будущего, — новый социальный строй, обыкновенно в той или иной мере коммунистический,—в определенной и законченной картине. Получавшееся, вместо

теоретического изложения идей, живое описание, глубина и художественность которого зависела от степени талантливости автора, необыкновенно расширяла усвояемость и круг читателей»1). Наличием этих особенностей в французских социальных утопиях конца XVII-го и начала XVIII-го века можно об'яснить, почему они нашли сочувственный отклик в среде русского читателя.

По существу темы данной работы я не могу останавливаться на анализе всех социальных утопий заграничного происхождения, обращавшихся в XVIII веке в русском обществе 2), ибо в большинстве этих произведений социальный вопрос ставился и разрешался настолько примитивно, что они не имеют особого значения для нашего времени. Социальная сторона многих этих утопий сводилась к протесту против разнузданного самодержавия королей, развращенности придворных кругов и произвола чиновничества и к обрисовке такого идеального государства, в котором все эти недостатки были устранены. Ставя своей задачей выявление процесса зарождения анархических идей в среде русского образованного общества, я остановлюсь лишь на двух авторах, по сочинениям которых русские люди впервые познакомились с рядом идей анархического порядка.

Наставниками русских в этом направлении явились два француза — Франсуа Фенелон и графъ Шарлъ-Луи Монтескье.

**
*

Ф. Фенелон1) оказал громадное влияние на русское общество. Его роман о Телемаке появился впервые на русском языке в 1747 году под названием «Похождения Телемака, сына Улисова» и до конца XVIII-го века выдержал девять изданий в полном виде и в отрывках, причем над его переводом работало пять разных переводчиков, один из которых — Тредьяковский дал даже стихотворный перевод. Помимо этого роман распространялся и в рукописном виде 2). В. В. Сиповский говорит об этом сочинении, что «оно больше других аналогичных сочинений могло *влиять* на русское творчество»3).

Фабула романа построена на путешествии Телемака по разным, часто не существующим, странам и на приключениях, совершающихся с героем во время его странствований. Попадая из одной страны в другую, сталкиваясь и беседуя с разными бывалыми людьми, Телемак знакомится с разнообразными типами социального быта и уясняет себе недостатки или достоинства каждой из этих форм. Для нашей цели интересно описание только того социального строя, который существует в стране, расположенной около реки Бетис. О ней и ее порядках Телемак слышал от многих людей, которые передавали ему о ней «столько чудес... что едва оным можно верить»1). Дальнейшее повествование о Бетике представляет собою рассказ Адоама, побывавшего в этой стране, Телемаку.

Фенелон помещает эту вымышленную страну там, где река Бетис впадает в Великий океан «недалеко от столпов Геркулесовых и того места, где прежде раз'яренное море, разорвавшее свои оплоты, отделило землю Торсис от великой Африки»2). Бетика отделена от других государств морем и горами. Земля, на которой расположена Бетика, наделена Фенелоном всеми признаками, могущими обеспечить жителям беспечальную и даже счастливую жизнь. При описании ее он не пожалел красок и даже пошел на противоречие с естественными законами, усадив страну всегда цветущими деревьями. «Сия страна, — говорит он, — кажется, сохранила приятности златого века... Весь год не что иное есть, как счастливое сочетание весны и осени, повидимому друг другу вспомоществующих. Земля в долинах и на глубоких полях каждый год дважды приносит жатву. Дороги по странам усажены лавровыми, гранатовыми и ясминовыми (жасминовыми, *И. Х.*) и другими всегда зеленеющими и цветущими деревьями... Много в прекрасной сей стране золотых и серебряных рудников» 3).

Незауряден и характер жителей Бетики — назовем их бетисцами. «Во всех жителях Бетики не заметно ни гордости, ни высокомерия, ни вероломства, ни желания расширить свое владычество» 1). «Их вежливость велика в любезной простоте их... Верность, послушание, отвращение от порока обитает в этой благополучной стране»2). Бетисцы «всегда друг друга любят братскою, ничем не

---

1) В. Светловский. — Русский утопический роман. П. 1922 г., стр. 3.

2) Интересующиеся этим вопросом найдут ответ на него в цитировавшейся уже работе В. В. Сиповского — «Очерки из истории русского романа». Т. I. Вып. I.

1) Франсуа Салиньяк де ла Мот Фенелон родился в 1651 году, умер в 1715 г. Был духовным лицом и одно время занимал пост епископа. В 1689 г. был приглашен воспитателем к герцогу Бургундскому, внуку Людовика XIV. Являясь сторонником передовых идей века, Фенелон не стеснялся высказывать их вслух, что было причиной неблагосклонного отношения к нему короля. Главное произведение Фенелона «Телемак» написано им в 1695 г. в целях наставления воспитанника в понимании интересов государства и его граждан. Впервые эта работа была опубликована в 1699 году. Из-за нее король окончательно лишил Фенелона своей благосклонности. Идеи, развиваемые Фенелоном во многих местах этого сочинения так прогрессивны, а критика темных сторон современной ему государственности так решительна, что неблагосклонность короля вполне понятна. Достаточно сказать, что «Боссюэт назвал «Телемака» произведением, недостойным духовного лица». Решительность мысли и значительная художественность изложения сделали «Телемака» очень популярной книгой. Она нашла сочувственный прием и распространение не только во Франции, но и за-границей, где с нее сделано до сотни переводов, из которых некоторые сделаны в стихах.

Вступление на французский престол в 1711 году воспитанника Фенелона облегчило положение последнего (см. заметку А. Джевилегова о Фенелоне в «Энциклопедическом словаре», изд. Брокгауз и Эфрон. Том XXXV, стр. 455-457).

2) В. В. Сиповский. — Очерки из истории русского романа. Том I. Вып. I., стр. 153. Кроме того Телемак переиздавался несколько раз в разных переводах и в XIX столетии. Мне известно два издания — 1805 и 1835 г.г.

3) Там же, стр. 124.

1) Странствование Телемака, сына Улиссова. Творение Г. Фенелона. Перевод Г. Ш. Часть I. П. 1805 г., стр. 272.

2) Там же, стр. 273.

3) Там же, стр. 273-274.

1) Фенелон. Странствование Телемака сына Улиссова. СПБ. 1835 г., стр. 199.

2) Там же, стр. 194.

возмущаемою любовью»3). Они добры и гостеприимны, избегают роскоши. Будучи довольны своей судьбою, они не любопытны и не любознательны. Отсутствие любознательности и, может быть, послушание, переходящее в покорность, единственные качества, которые с нашей точки зрения могут быть поставлены в минус характеру бетисцев. Но Фенелон, приписывая им эти черты, несомненно думал обрисовать еще более их добродетельность и возбудить к ним зависть обычного рядового европейца.

Хозяйство бетисцев построено на коммунистических принципах. «Они живут все вместе, не деля земель... У них все имения общи»4). Коммунизм вызван тем, что земельные пространства, занимаемые ими, достаточно обширны, а плоды древесные, земные овощи, молоко от стад, суть столь изобильные богатства, что сии воздержные и умеренные народы не имеют нужды делить их»5) Основное и почти единственное занятие сельское хозяйство: земледелие и скотоводство. Людей, занятых одной только ремесленной деятельностью, не связанной с сельским хозяйством, очень мало, «ибо не хотят иметь других ремесл, кроме тех, которые служат к прямым потребностям человеческим; и при том большая часть людей в сей земле, занимаясь земледелием или скотоводством, не оставляют исправлять и ремесла, нужные в простой и умеренной их жизни»6). Сельско-хозяйственная деятельность, как это видно из только что приведенной цитаты, уже дифференцирована: скотоводство и земледелие обслуживаются разными лицами, что подтверждается также заявлением Фенелона о бетисцах, что «все они почти или пастыри или земледельцы» 1). Кроме того и наличие небольшого количества ремесленников говорит о дифференциации труда. Земледелие у них стоит на низкой ступени развития, в области же скотоводства они, как видно, достигли значительных успехов, так как их стада доставляют такую «тонкую волну, которую все известные народы снискать стараются»2). Добывающая промышленность развита у них, повидимому, слабо. Добываемые из рудников «золото и серебро употребляется у них на те же потребы, как и железо; например, на резцы в плугах»3). На чеканку монеты, золото и серебро они не употребляют, потому что коммунизм внутри страны делает деньги не нужными для потребностей внутреннего обихода, а внешней торговли бетисцы не производят.

Домов они не строят: «чрезмерное, говорят, означалось бы прилепление к земле тем, что устроять на оной такое жилище, которое бы было долговечнее нас; довольно защищать себя от воздушных напогод»4). «Каждое семейство, не имея постоянного жилища в сей прекрасной стране, переносит свои шатры с одного места на другое, как скоро истребило плоды и пожити на том месте, где

3) Там же.
4) Там же.
5) Там же.
6) Там же, Ч. I. изд. 1805 г., стр. 274-275.
1) Там же, стр. 274.
2) Там же.
3) Там же.
4) Там же, стр. 276.

расположились»5). Вероятно, по мысли автора, переселение их на новое место должно было производиться ежегодно, а, может быть, и два раза в год, раз климат дает возможность собирать урожай два раза в год6). Искусства и все, что либо похожее на роскошь, у них отсутствует. И то, и другое у них не в почете и не привлекает к себе, так как «сие излишество расслабляет, упоевает, мучит обладающих оным; лишенных же оного приводят в искушение, чтоб приобресть его неправдою и насилием. Можно ли назвать благом излишество, которое токмо служит к соделанию людей злыми»7).

Социальная жизнь бетисцев протекает в условиях патриархального быта, описание которого у автора несколько противоречиво. «Каждое семейство управляется своим домоначальником, который, — добавляет сейчас же Фенелон, — есть истинный царь (владыка. *И. Х.*)8). Этот домоначальник ни что иное, как глава патриархальной семьи. Он «имеет право наказывать каждого из своих сынов и внуков за дурные поступки, но прежде нежели накажет его, советуется с прочими домашними. Впрочем, наказания почти никогда не случаются»1). Право наказания, ограниченное советом семьи, является, повидимому, единственной привилегией такого патриарха. Никаких других прав, никаких других обязанностей Фенелон этому патриарху не предоставляет и потому совершенно не ясно, почему он именует его истинным царем и владыкой. На ряду с этим, несколькими строками ниже, Фенелон, говоря о жителях Бетики вообще, заявляет: «судьи им не нужны, ибо их судит собственная совесть»2). Сопоставление этого утверждения с тем, что проступки в Бетике почти никогда не имеют места, благодаря добродетельности населения, и что наказаний почти никогда не бывает, позволяет сделать вывод, что и право патриарха наказывать провинившихся весьма проблематично. В то же время бетисцы «все свободны, все равны; между ними не видно никакого отличия, кроме того, которое происходит от опытности мудрых старцев, или от чрезвычайного благоразумия некоторых юношей, равняющихся с преисполненными добродетелью старцами»3). Таким образом домоначальник оказывается еще более далек от царя. Он в лучшем случае — первый среди равных. Семейный уклад жителей зиждется на единобрачии, причем браки, как будто не расторжимы4).

Таковы основы патриархальной бетисской семьи. Что касается отношений, возникающих между отдельными семьями, то о них Фенелон умалчивает. Видимо, он считает, что связь между ними незначительна и построена на анархических началах. Возможно, что коммунизм не ограничивается только внутри — семейными отношениями, а простирается и дальше на безвозмездное снаб-

5) Там же, изд. 1805 г., стр. 194.
6) Однако, не все семьи должны так часто менять свои стоянки, так как Фенелон говорит, что в Бетике разводится виноград. Там же. Изд. 1835 г., стр. 197.
7) Там же, изд. 1805 г., стр. 276.
8) Там же, изд. 1835 г., стр. 19».
1) Там же.
2) Там же.
3) Там же, стр. 194-195.
4) Там же, стр. 198.

жение одной семьи другою тем, что имеется у нее в избытке. Эта возможность не исключена, так как «удовольствие их состояло в том, чтобы отдавать избытки свои чужестранцам»5).

В дальнейшем Фенелон рисует идеальную страну. «Обман, насилие, клятвопреступление, тяжбы, войны, никогда не оглашают этой страны, столь любимой богами, своим свирепым и ядовитым голосом»6). Бетисцы совершенно не знают войны и не понимают, как можно воевать из-за чего то, кроме защиты своей свободы. То, что в прошлом у них не было войн, это понятно. Их страна более или менее изолирована горами и морем от других, хотя эти препятствия не мешают теперь уже другим народам сноситься с бетисцами. Они удивляются, что можно находить что-то приятное в войне. Будучи глубоко рационалистичными, они рассуждают следующим образом: «Как, говорят они, не довольно ли люди смертны и без того, чтобы предавать еще взаимно друг друга преждевременной смерти? Жизнь столь кратка, и она, повидимому, кажется им слишком продолжительною! Ужели они существуют на земли, чтобы терзать друга друга и взаимно делать себя несчастными»1). Завоеватель, которым так восхищается европеец, для них — кара богов против развратности человеческого рода, чуть ли не разбойник. «Они смеются, когда им говорят о царях, которые не могут поставить между собою границ своим областям. Можно ли бояться, говорят они, чтобы не доставало земли людям? Ее всегда будет больше, нежели сколько могут возделать. Пока будут оставаться пустые и свободные земли, мы не захотим защищать и своих земель от соседов, которые бы вознамерились занять их»2). И действительно, они позволили иноземным мореплавателям построить в пределах Бетики город, отдали им в безвозмездную эксплоатацию рудники и добровольно снабжали иноземцев избытками своего хозяйства. «О войне, — говорят бетисцы, — не должно помышлять иначе, как для защищения своей свободы. Благополучен тот, кто не будучи рабом, не имеет честолюбия сделать другого рабом своим» 3). А Фенелон добавляет, что этот народ скорее оставит свою страну или подвергнется смерти, нежели рабству»4). Все эти качества бетисцев снискали уважение им среди окрестных народов и последние не раз обращались к бетисцам, как к третейским судьям, с просьбой уладить то или иное недоразумение, возникшее между ними.

Влияние Монтескье 5) в России также сказалось заметно. Его «Персидские письма» выдержали в XVIII веке четыре издания, первое из которых появилось в 1789 г. В них он дал критику политических и культурных устоев современной ему Франции. Борьба за ограничение королевской власти, за свободу и равенство граждан, осмеяние правящих классов, суеверия и фанатизма невежественного населения Франции — составляют квинт-эссенцию этого его произведения. В нем же Монтескье нарисовал социальную утопию, известную под названием «Истории троглодитов». Эта глава из «Персидских писем» так захватила русское общество, что она несколько раз печаталась отдельно от всего романа. Так, в частности, впервые она была напечатана в 1779 г. в сборнике «Новая сельская библиотека, или отборные, важные и любопытные, выбранные из лучших древних и нынешних писателей», а в 1786 г. в сборнике «Избранное чтение или собрание чувствительных и ко внушению добродетели способствующих повестей»1). «Персидские письма» изложены в виде переписки нескольких персов между собой. «История троглодитов» рассказана в письмах Узбека, путешествующего по разным странам, к Мирзе, обывателю Испагана. Эти письма датированы 1711 г.

Троглодиты, по словам Монтескье, — небольшое племя, проживающее в Аравии. По происхождению своему они являются потомками троглодитов, но таких троглодитов, которые по внешнему виду во всем похожи на обыкновенных людей. Предки троглодитов, о которых ведется рассказ «были так злы и кровожадны, что не имели никакого понятия о равенстве и справедливости»2). Современные троглодиты — прямая противоположность им. Интересно сообщение Монтескье о том, как дикое и кровожадное племя стало, в конце концов, воплощенной добродетелью. Утрируя человеческие недостатки и последствия, вытекающие из них, автор наполняет историю троглодитов разными ужасами. В далекие от нас времена во главе племени стоял король-чужеземец. Троглодиты, ненавидевшие его за строгость, восстали против него и умертвили всю королевскую семью. После этого ими на общем собрании было выбрано правительство и чиновники. «Но едва только они их выбрали, как стали ими невыносимо тяготиться и умертвили также и этих»3). Так закончился первый период троглодитской истории. «Народ, освободившись от этого нового ига, решился следовать только своей дикой природе. Все и каждый согласились не слушаться больше никого и решили, что каждый будет заботиться только о своих интересах, не обращая внимания на других. Это единодушное решение необыкновенно льстило каждому в отдельности, ибо они рассуждали так: зачем я стану стараться из всех сил работать на людей, до которых мне нет никакого дела. Я буду думать только о себе; буду жить счастливо; не все ли мне равно, каково другим? Я буду удовлетворять всем моим потребностям; только бы мне это удалось, а уж там мне и дела нет, если остальные троглодиты будут бедство-

---

5) Там же, стр. 200.
6) Там же, стр. 195.
1) Там же, стр. 195.
2) Там же, стр. 199.
3) Там же, стр. 196.
4) Там же, стр. 199.
5) Граф Шарль-Луи Монтескье — известный французский писатель — родился в 1689 г., умер в 1755. «Персидские письма» представляют собою его первое сочинение на политические темы. Опубликованы они были впервые в 1721 г. в Аместердаме (смотри заметку В. Перье о Монтескье в Энциклопедическом словаре, изд. Брокгауз и Эфрон. Том XIX-а, стр. 804). В. Сперанский сообщает, что первое издание было анонимным (см. Энциклопедический словарь, изд. бр. Гранат. Том 29, стр. 293).

1) В. В. Сиповский. — Из истории русского романа и повести. П. 1903 г.
2) Монтескье. — Персидские письма. СПБ. 1892 г., стр. 20.
3) Там же.

вать»1). В этот второй период существования троглодитского народа в стране не было никакого правительства, никакой власти, никаких правовых норм, а следовательно, и судей. Всякий делал, что хотел и как хотел. Это было анархическое общество, построенное на частно-хозяйственной основе. Троглодиты как бы осуществили штирнеровский идеал. Но крайний эгоизм, которым Монтескье наградил троглодитов, сыграл с ними плохую шутку. Вскоре среди них начались ссоры друг с другом, умыкание друг у друга жен, захват полей, развился обман и прочие пороки. В хозяйственной жизни каждый заботился только о себе — сеял столько, сколько было нужно ему одному, в обрез. Случившаяся засуха убила все посевы по склонам гор. Население этих мест, не получив урожая, не могло выпросить помощи у тех, кто жил в долине и чьи посевы сохранились. Началась повальная смерть горных жителей. На следующий год обильные дожди погубили посевы в долине. Жителей долин постигла та же участь, что и горных. Болезнь, получившая широкое распространение, довершила гибель троглодитского племени. Так «троглодиты погибли от своей собственной злобы и сделались жертвами своей собственной несправедливости»2).

Но на этом история племени не кончается. По счастливой случайности в числе его семейств нашлось две добродетельных семьи, которые, избежав поразивших народ несчастий, уцелели, чтобы восстановить в дальнейшем племя троглодитов. Ими начинается третий период троглодитской истории. Отцы этих семейств «были гуманны, знали, что такое справедливость, любили добродетель; их равно связывала между собой как прямота их собственных сердец, так и развращенность чужих: они видели всеобщие бедствия, но были им не причастны и только о них сожалели; то был новый повод к еще более тесной связи. Они одинаково усердно трудились на общую пользу, между ними бывали только такие несогласия, какие может порождать сладостная и нежная дружба, и они проводили счастливую и спокойную жизнь в самом укромном месте, вдали от недостойных их присутствия соотечественников; казалось, земля родит сама собой, возделанная столь добродетельными руками. Они любили своих жен и были ими нежно любимы. Они прилагали все свои старания к тому, чтобы воспитать детей своих в правилах добродетели. Они бесстрашно обращали их внимание на бедствия соотечественников и выставляли им напоказ этот печальный пример; особенно напирали на то, что интересы каждого отдельного лица неразрывно связаны с общею пользой, что, кто от него отрекается, тот добровольно идет на погибель, что добродетель совсем не такая вещь, которая должна трудно даваться, и не нужно смотреть на нее, как на тяжелое усилие; и, наконец, что, если мы справедливы к другим, мы себе же делаем этим добро»1). Дети этих семей, воспитанные в таких правилах, дали добродетельное потомство, в которое «религия смягчила все грубое, что оставалось в их нравах»2).

1) Там же, стр. 20-21.
2) Там же, стр. 24.
1) Там же, стр. 24-25.
2) Там же, стр. 25.

В конце концов Монтескье говорит, что «не возможно достаточно наговориться о добродетели троглодитов» 3). Особенно среди них развита любовь друг к другу, заботливость к нуждам других и желание оказать кому-либо любую услугу. Вот, например, одно из намерений какого-то троглодита: «К полю моего отца примыкает чужое поле, и те, кто его обрабатывают, ежедневно страдают от палящего зноя; непременно посажу там два дерева, чтобы эти бедные люди могли иногда отдыхать под их тенью»4).

В основе их экономического быта лежал коммунизм. «Весь троглодитский народ считался одной семьей»5). Но этот коммунизм, как увидим ниже, был довольно своеобразен. Хозяйственная деятельность их базировалась на земледелии и скотоводстве. О наличии в среде троглодитов ремесленников Монтескье умалчивает. Таким образом, перед нами чисто сельско-хозяйственная страна, не дошедшая еще в своем развитии до дифференциации труда. О коммунизме, царящем в стране можно судить по тому, что у жителей «стада были почти постоянно смешаны, и никто не давал себе труда разбирать, что твое, что мое: это единственный труд, которого они избегали»1). Однако, в некоторых местах Монтескье пишет об одном троглодите, что воры-инородцы «угнали *его* (курсив мой. *И. Х.*) стадо»2). Видимо, что не все стада и не всегда составляли общую собственность. Из таких заявлений, как «завтра мой отец собирается пахать *свое* (курсив мой. *И. Х.*) поле»3), можно сделать вывод, что земля, если и не составляла частной собственности того или иного лица, во всяком случае. обрабатывалась не сообща, а индивидуальными и, может быть, семейными усилиями. Домашнее имущество, повидимому, также составляло частную собственность семьи4). «По вечерам, когда стада оставляли пастбища, а усталые волы возвращались назад с сохою, они (троглодиты. *И. Х.*) собирались вместе... за скромной трапезой»5). «Корыстолюбие было неизвестно в этом счастливом краю; они делали друг другу подарки, причем тот, кто дарил, почитал себя особенно счастливым»5). Сопоставление всех этих моментов приводит к мысли, что коммунизм троглодитов был частичным и заключался главным образом в совместных трапезах, причем орудия и средства производства находились в частном пользовании или же даже являлись частной собственностью. Это был такой вид коммунизма, который напоминает собой коммунизм средневековых еретических движений.

О формах социального быта троглодитов в этот период Монтескье прямо не говорит почти ничего. Но несомненно, что общество продолжало жить в условиях анархии, анархии в самом чистом и лучшем значении этого слова. У троглодитов того времени не было никакого

3) Там же, стр..27.
4) Там же.
5) Там же, стр. 26.
1) Таж же.
2) Там же, стр. 27.
3) Там же, стр. 27.
4) Там же, стр. 27-28.
5) Там же, стр. 26.
6) Там же.

правительства и, повидимому, вообще не наблюдалось никакого элемента власти одного человека над другим. Старцы и отцы семейств — и те не имели никакого особого значения в стране. Суд и наказания за преступления не были известны. Они заменялись, вероятно, общественным мнением, которое, однако, не было ригористично и сурово. Вот доказательство этого: «Однажды, когда несколько троглодитов собрались вместе, один старик стал говорить про молодого человека, которого он подозревал в совершении дурного поступка и упрекал за это: «Мы не верим, чтобы он действительно совершил это преступление, — сказали молодые троглодиты, — но, если это так, то пусть он переживет всю свою семью»1). Весьма важно отметить, что анархический строй существовал у троглодитов при далеко не таких благоприятных условиях, как у бетисцев. Правда, по заявлению Монтескье «природа равно удовлетворяла их желания и потребности»2). Но во вне обстановка у троглодитов была очень неблагоприятной. Бетисцы были относительно хорошо изолированы от соседних народов. Совсем не то мы наблюдаем с троглодитами. Соседние народы очень часто нападают на скот и имущество троглодитов. Дело доходило и до настоящих войн между троглодитами и соседними племенами, хотя троглодиты принимали все меры к тому, чтобы предотвратить бойню. Так, однажды им стало известно, что их соседи собираются напасть на троглодитов, чтобы угнать их скот. Тогда они отправили к соседям послов для переговоров. «Что вам сделали троглодиты? — сказали послы. — Или они похитили ваших жен, украли ваши стада и опустошили ваши селения? Нет, мы справедливы и боимся богов. Что же вы от нас хотите? Хотите вы шерсти для ваших одежд? Хотите молока от наших стад, плодов, призрастающих на нашей земле? Положите оружие, приходите к нам и мы вам всего этого дадим. За то мы клянемся вам всем, что только есть самого святого, что будем считать вас несправедливым народом и поступим с вами, как с кровожадными зверями, если вы вступите на наши земли в качестве врагов»3). Но соседи, не послушав предупреждения, вторглись в троглодитскую землю. И троглодиты, хорошо приготовившись к защите, обратили противников в бегство. Интересно, что даже в условиях военных действий против неприятеля троглодиты не выбрали из своей среды никакого военачальника. По крайне мере, Монтескье ничего не сказал об этом. Словом, выходит, что троглодитский строй, в третьем периоде истории являлся идеальным анархическим строем.

Четвертая эпоха в развитии описываемого племени начинается выбором короля. Монтескье не дает характеристики жизни народа под игом королевской власти и заканчивает свою утопию указанием на то, как происходили выборы главы племени. Троглодиты решили выбрать короля, «так как население ежедневно увеличивалось... Они решили, что корону следует поднести самому праведному, и выбор их пал на одного старца, почтенного летами и долголетней добродетелью»1). Старец был очень смущен своим избранием и, хотя и согласился принять корону, заявил: «Я непременно умру с горя, видя, что троглодиты, которые были свободны, когда я родился, станут подданными»2). Выбор кого-либо, в том числе и его, королем казался ему нелепостью. «Как я смогу что-либо приказать любому троглодиту? Уж не думаете ли вы, что он совершит добродетельный поступок, который он сделает точно также и без меня, по собственному своему влечению?»3). Единственное об'яснение желанию троглодитов иметь короля он видел в том, что они начали тяготиться своей добродетелью. «В вашем теперешнем положении вы поневоле должны быть добродетельны, так как у вас нет руководителя, иначе бы вы не могли бы существовать и впали бы в несчастья наших прародителей. Но это бремя слишком вас тяготит; вы предпочитаете покориться государю и повиноваться его законам, которые будут не так строги, как ваши нравы. Вы знаете, что тогда можно будет удовлетворять свое честолюбие, стяжать богатства и прозябать в презренной неге, и стоит только избегать крупных преступлений, а добродетель уже не понадобится»4). В рассуждении старца все характерно: и то, что человек, чтобы делать добро не нуждается в приказе, во власти, и то, что учреждение власти нужно человеку, чтобы ему можно было не быть таким добродетельным, похожим на ангела, когда этой власти нет. Подобные взгляды мы еще встретим впереди, когда дело коснется славянофилов с их правдой *внутренней и внешней*.

***

Утопии Фенелона и Монтескье имеют между собою мало сходства. Каждая их них своеобразна. Сходство их состоит в том, что оба автора наделяют описываемые племена всевозможными добродетелями и большой религиозностью. Утопия Монтескье несомненно интереснее утопии Фенелона, поскольку в «Истории троглодистов» автор дает эволюционное развитие троглодитского общества и показывает читателю, каким путем общество вышло из авторитарного строя и на продолжительное время утвердилось на анархических началах. Бетисцы живут по коммунистически, причем коммунизм господствует в пределах родовой семьи и частично, быть может, распространяется на все племя. Коммунизм троглодитов охватывает всех жителей, но троглодитский коммунизм — коммунизм потребительский. Бетисцы имеют относительно дифференцированное хозяйство, троглодиты занимаются только сельским хозяйством, соединяя в пределах своего хозяйства и земледелие, и скотоводство. В социальном развитии троглодиты стоят на более высокой ступени развития. Родовой быт, который так характерен для бетисцев, был, повидимому, изжит троглодитами еще до того момента, с которого Монтескье начинает свое повество-

1) Там же, стр. 27.
2) Там же, стр. 26.
3) Там же, стр. 28.

1) Там же.
2) Там же, стр. 29.
3) Там же, стр. 29.
4) Там же, стр. 30.

вание. И, если общественный уклад утопии Фенелона, — раз у бетисцев нет общеплеменной власти, суда и других общественных институтов, — представляет собой лишь первое приближение к анархизму, то общественный строй троглодитов во второй, а особенно, в третий период их истории является анархическим со всех точек зрения. Таковы в грубых чертах сходства и различия этих утопий.

П. В. Хархардин.

(Продолжение следует).

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АНАРХИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ЦАРИЗМА

(Составлен на основании архивов Охранного Отделения).

В одной из своих статей я остановился на роли и значении архивных документов для изучения прошлого революционного подполья эпохи царизма и освещения некоторых неясных еще моментов и фактов этого прошлого. Пишущий эти строки, начавший свою архивно - исследовательскую работу с 1924 года, опубликовывая результаты архивных раскопок и дополняя их личными воспоминаниями, думает внести скромную лепту в эту колоссальную работу. Тему настоящей статьи, как и предыдущей, я взял: зарождение анархистских групп после разгрома революции 1905 года за период 1908, 13 и 14 годы.

1) Подпольные группы России.

Интересно отметить, что несмотря на полный разгром и ликвидацию анархистских групп, как на севере, так и на юге России в середине 1908 года департамент полиции разослал тогда следующий циркуляр:

М.В.Д.
по Особому Отделу
12 июня 1908 года

Секретно-циркулярно
Начальникам Губ. Жанд.
Управлений
и Охранных Отделений.

По имеющимся в департаменте полиции сведениям в России в настоящее время наблюдается значительное усиление анархизма не как развитие тактических приемов, а как отвлеченного учения. Новые анархисты агитируют среди интеллигенции, преимущественно среди студентов и воспитанников школ и средних учебных заведений. Агитация сводится к борьбе с убеждениями чистых революционеров, будто идея анархизма разлагает революцию. Новые анархисты стоят на той точке зрения, что чистый анархизм, вливающийся в революцию, является лучшим средством для достижения главной цели революции — свержения самодержавия. Кружки новых анархистов распространяются по России довольно сильно. Об изложенном департамент полиции сообщает вам, милостивый государь, для сведения.

За директора: *С. Виссарионов*
скрепил делопроизводитель: *Броецкий.*

Я привел этот документ ибо он относится к тому периоду, когда участники анархистского движения 1905 - 7 годов, подведя итоги своей работы, анализируя причины разгрома, констатировали этот недочет русского анархизма: преобладание тактики, методов борьбы, как то: эксы, террор и вообще боевизма над анархистским учением, а иногда полное вытеснение последнего первым. Департамент полиции, сугубо следя за уклонами и сдвигами анархистского движения, все это помечает. Еще одна характерная черта подмечена им: это отсутствие интеллигенции среди русских анархистов. Вот почему анархистам в противоположность социалистам, богатым интеллигентными силами, пришлось работать над вербовкой интеллигентных сил. Эта же переоценка русскими анархистами своих организационных и тактических методов находят свое отражение в циркуляре департамента полиции, опубликованном спустя короткое время после вышеопубликованного циркуляра. Циркуляр этот гласит следующее:

«По полученным сведениям, проживающие заграницей анархисты, не сумевшие до сего времени сорганизоваться между отдельными группами,а каждый из них мог работать самостоятельно и без всякой ответственности перед кем бы то ни было, намерены в недалеком будущем созывать представительство всех анархистских групп. Целью означенного созыва является обсуждение вопроса о создании главной анархистской организации с местопребыванием центра ее в одном из городов России или за-границей. Такое стремление и создание центра об'ясняется тем, что до сего времени анархисты за отсутствием над собой руководящей ответственной организации не могли совместно выступать и защищать, как общие, так и групповые интересы. Анархистами также намечены переорганизация и пересмотр способов пропаганды и т. д. Кроме того предположено повести агитацию более энергично и в России, где решено усилить литературную работу, пропаганду, а также помощь заключенным единомышленникам. Объ изложенном департамент полиции уведомляет вас для сведения».

В 1909 - 1910 годах, несмотря на внешнее и кажущееся затишье в революционном подполье все таки были многочисленные героические попытки возрождения и создания тайных анархистских групп.

Конечно, только о ничтожной доле этих героических попыток известно и легальной печати и судебной хронике. Об одной из таких попыток мы узнаем из ни-

жеследующего секретного циркуляра департамента полиции:

Секретно-Циркулярно
Нач. Губ. Жанд. Упр.
и Нач. Охр. Отел.

М.В.Д.
Департ. полиции
по Особ. отделу
11/VII-1910 г.

В июне текущего года на юге России среди местных анархистов возникла идея основания инициативной группы анархистов юга Ррссии с целью создания сильной анархистской федерации для борьбы с капиталом и государством. Сознавая по опыту прошлых лет, что при разбросанной работе, которая велась до сих пор, анархисты несли в конце концов только крупные и совершенно бесцельные жертвы, инициаторы об'единения решили создать такую стройную организацию, в которой всякий желающий бороться анархист, без различия окраски может найти применение своим силам и способностям. Ближайшей целью этой группы является собрание всех желающих работать анархистов в одну инициативную группу и всем вместе взяться за организацию такой сильной группы, которая могла бы не только разрушать настоящее, но заключала бы в себе фундамент будущего. Инициативная группа анархистов Юга берет на себя организационную задачу и подготовительную работу, но не отказывается от самостоятельной террористической работы.

В настоящее время инициаторами этой группы выработана следующая программа:

1) Членом инициативной группы анархистов юга может быть всякий анархист, желающий работать в анархистском духе.

2) Член инициативной группы анархистов Юга остается вполне самостоятельной личностью и не обязан подчиняться постановлениям группы, противным его воли.

3) Всякий член группы помогает ее начинанию и присоединяется к одной из ее автономных частей.

4) Всякий товарищ вправе выйти из группы во всякое время.

5) Всякий товарищ, переменяющий местожижительство, но желающий работать в духе инициативной группы, вправе требовать поддержки деньгами, оружием и литературой.

6) Всякий товарищ, покинув настоящее место, но не теряющий связи с группой и работающий в одном с нею направлении, продолжает оставаться ее членом.

7) Всякий предатель и изменник наказывается смертью.

8) Товарищ принимается в инициативную группу только по единодушному согласию.

Добровольное взятие на себя обязанности группы заключается в приготовлении ко времени организации федерации анархистов юга нужных средств для борьбы и разрушения, а именно: 1) приготовить запасы литературы на месте; 2) приготовить большое количество оружия; 3) нужное количество материальных средств; 4) типографии; 5) лаборатории; 6) прочную заграничную группу; 7) организовать ячейку, из которой впоследствии сложится федерация и в которой растворится сама группа. Для всего этого необходимо, чтобы инициативная группа анархистов юга состояла из:

1) Боевая дружина возьмет на себя добывание 3) группы организаторов, 4) заграничной группы и группы Красного креста.

1) Боевая дружина возмет на себя добывание средств для существования группы, будет совершать террористические акты и руководить школой боевиков.

2. Кружок агитаторов будет устраивать школу агитаторов и руководить ими, будет вести агитацию среди рабочих, крестьян и солдат.

3. Группа организаторов будет организовывать школу организаторов и руководить ими, организовать всякого рода анархистские союзы, кружки, синдикаты, братства, типографии, дискуссии, собрания, выступления и т. д.

4. Группа Крастного креста берет на себя заведывание материальными средствами группы, помогает пострадавшим товарищам, а равно семьям погибших.

5. Заграничная группа должна состоять из 3-х частей: А) кружка боевиков, Б) кружка контрабандистов и В) кружка связи. А) кружок боевиков будет преследовать тех, которые бегут заграницей от мести местн. боевой дружины. Б) кружок контрабандистов будет доставлять из-за границы товарищей, оружие литературу и переправлять за-границу нелегальных. В) кружок связи будет заводить связи с заграничными русскими и иностранными группами, проповедывать среди них идею союза всех групп анархистов и всякого рода союзов и синдикатов, исповедующих учение анархизма без разграничения в частности.

Конечной целью инициативной группы анархистов юга является организация федерации анархистов Юга, с появлением которой инициативная группа прекращает свое существование, правильнее, растворяется в федерации. Конечной целью федерации анахистов Юга является достижение анархистского строя и разрушение теперешнего; Федерация стремится создать такие условия, чтоб каждый мог работать ту работу, к которой он чувствует наибольшее влечение и способности, чтоб ни один человек не мог угнетать другого, чтобы каждый человек работал столько, сколько позволяет его сила, здоровье и воля, и брал столько, сколько потребуется на этот день. Иначе говоря, федерация стремится добиться полного освобождения человека от государства и капитала и сде-

лать труд настолько легким, чтоб он стал необходимым удовлетворением человека. Так как проведение этого в жизнь, по мнению анархистов, мешает капитал и государство, то главной целью в настоящее время является беспощадная борьба с капиталом, государством, религией, законами, судами, предразсудками, собственностью и их представителями. Все это по мнению группы нужно разрушить, чтоб создать условия жизни, в которых человек мог бы вполне отдаться своим влечениям и мог бы распоряжаться своей судьбой, не завися «ни от бога, ни от черта». Разрушить современный строй федерация предполагает путем прямого воздействия, т. е. постоянным террором, стачками и забастовками, экспроприациями, разрушением государственных учреждений, расшатыванием современных государственных устоев, не идя ни на какие компромиссы с буржуазией и буржуазными партиями, не выставляя никаких конкретных требований, а идя прямо к цели, не прося пощады и не давая ее; борьбой с оружием в руках и массовым отказом от выполнений государственных повинностей, с участием во всевозможных выступлениях рабочих, чтобы развить эти последние в безпрерывной революционной вспышке, которые должны будут наконец зажечь весь современный мир огнем революции. Созидательная анархистская работа намечается в организации крестьянских и рабочих кооперативов, которые бы обслуживали синдикаты и союзы синдикатов и вели бы между собою меновую торговлю, в организации школ, где дети воспитывались бы в духе самостоятельного протеста, будучи подготовлены с детсва к ненависти ко всякому подчинению и предразсудкам. Всемирное устройство федерации анархистов Юга предполагает выразиться в форме Союза нижеследующих союзов:

1) Революционных синдикатов рабочих, 2) союза крестьянских братьев, 3) союза солдат и моряков, 4) братства молодежи и 5) инициативная группа.

Сообщая о сем, департамент полиции просит Вас обратить особое внимание на организацию вышеупомянутой организационной группы во вверенном вашему надзору районе и принять энергичные меры к недопущению сформирования таковой.

Директор: *Зуев*

Скрепил зав. Оособым отделом Полковник: *Еремин.*»

Что такие попытки были не только в крупных центральных городах, но и в глухой провинции, свидетельствует сообщение Бессарабского жандармского правления Киевскому о том, что в Кишеневе, в ночь на 1 мая 1911 года ликвидирована ученическая организация анархистов, при чем при ликвидации обнаружены 1000 экз. первомайской прокламации. Копию одного экземпляра, препровожденного Бессарабскими жандармами Киевским, мы и воспроизводим здесь:

Первое мая.

Наступает праздник 1 мая, праздник трудящихся всего мира. Уже много, много лет в этот день великая армия трудящихся показывает своим угнетателям свою силу, единение и готовность вести борьбу за новую лучшую жизнь. В чем же заключается лучшая жизнь, к которой так стремится трудящийся класс, за которую он проливает свою кровь? В нынешнем капиталистическом обществе трудящиеся получают только ничтожную часть того, что ими вырабатывается, зато есть люди, которые, не затрачивая никаких сил, присваивают себе львиную часть продуков, выработанных чужим трудом и потом. Эти люди — фабрикаты, заводчики, это так называемая буржуазия. Помогает им в этом деле своим войском, судом и законами, правительство с самим царем во главе. И еще недавно, 5-6 лет тому назад, когда десятки тысяч трудящихся, верующих в царя со своими женами и детьми отправились ко дворцу, с просьбой об улучшении своей жизни — они были встречены градом пуль. Отдавая большую часть своего заработка всевозможным паразитам: фабрикантам и правительству на содержание армии сыщиков, жандармов и полиции, на устройство и содержание тюрем, трудящиеся сами живут впроголодь, умирая в нищете, в позоре и грязи. Кому не известны все ужасы жизни, а также, то, что все болезни, вплоть до чумы, в особенности сильно свирепствовали среди трудящихся, что жизнь их становится адской, невыносимой? Кто не знает о тысячах безработных, кончающих жизнь самоубийством, или пополняющих ряды так называемых босяков, и кому не известно с другой стороны, как живет буржуазия под крылышком правительства? Только тот, кто не хочет, кому это не выгодно, не видит, как ломаются амбары, переполненные хлебом, который гниет в них, тогда как трудящиеся повседневно голодают. Только слепой или негодяй может не видеть, как переполнены склады обувью и одеждой, а на железных дорогах образовались залежи от всяких продуктов и товаров, в то самое время, когда все трудящиеся одеты в отрепья. А как правительство в компании с фабрикантами и заводчиками расправляется с теми детьми трудящихся, которые захотели протестовать против всего этого! Все тюрьмы, рудники, каторги переполнены ими. Хватают, ссылают, расстреливают, вешают не только взрослых мужчин, но даже женщин и детей, сжигая целые села и деревни без суда и без разбора. Все это понял трудящийся класс в других странах. Все это начали понимать и в России. И с тех пор трудящийся класс ведет борьбу за право на весь свой заработок, за уничтожение того общественного устройства, в которой царит насилие, в котором одни господствуют над другими, порабощая их, в котором существует рабство. Он понял, что государственному насилию нужно противопоставить новую силу — силу трудящихся масс. И день 1 мая является для них тем днем, когда все эти силы мобилизуются, собираются воедино, чтобы показать врагу, что пробьет час и он будет уничтожен.

Группа анархистов - коммунистов.

***

Как известно участникам подпольной работы в те годы, мысль о созыве конференции или совещания русских анархистов носилась все время, ибо все чувствовали острую потребность в коллективном обобщении итогов прошлого, для того, чтобы наметить вехи будущей работы. В особенности в начале 1912 года, после Ленских событий, когда вся Россия была охвачена стачечной волной, было ясно, что мы накануне грозных событий. И тогда перед некоторыми отдельными работниками анархистского подполья опять встал вопрос о необходимости созыва такой конференции. Из обнаруженной мною переписки Киевского охранного отделения с Каменец - Подольскими жандармами, мы узнаем следующее:

№ 4374
21 мая 1913 года
Е.В.В.
СОКОЛОВУ
Нач. Под. Губ. Жанд.
Управления
Лично. - Сов. секретно
Милостивый государь
Лев Григорьевич

Воввереном мне отделении получены агентурные сведения, что 15 июня с. г. в городе Екатеринославе должна состояться конференция анархистов, на которую прибудут как местные, так и заграничные представители. По дальнейшим сведениям конференция эта отложена на 15 июля с. г. Сообщая о сем, имею честь просить вашего распоряжения направить имеющуюся у вас агентуру («Орленка») для детального освещения этого вопроса и поставить меня в известность и возможно в непродолжительном времени.

С совершеным почтением
Подполковник *Леонов.*

Вполне понятно, что начальник Киевского Охранного отделения, получив не совсем точные сведения (в которых была доля правды) о предстоящей конференции, считал нужным проверить их, запросив Каменец - Подольских жандармов. И это потому, что там в то время проживало несколько человек активных работников, которые были посвящены в подготовку этой конференции. Была посвящена в это и Мария Ивановна СВЕЦИНСКАЯ, состоявшая секретным сотрудником жандармского отделения под кличкою «Орленок», упоминаемая начальником Киевского Охротделения, ибо на нее надеялись не только Киевские охранники, но и департамент полиции, который в одном из своих циркуляров предлагал Каменецким жандармам стараться, чтобы она попала делегатом на эту конференцию. Между прочим нач. Под. губ. жанд. Управления сообщил Киевским коллегам следующий полулживый ответ:

Нач. Подольского
Жанд. Управления
29 июня 1913 года.

Лично
Совершенно секретно.

Нач. Киевского Губ. Жанд. Управления.

Сообщаю, что о предполагаемой в г. Екатеринославе 15 июня или 15 июля с. г. конференции анархистов, агентуре вверенного мне Управления «Орленка» ничего неизвестно.

Полковник: *Соколов.*

А ведь «Орленко» было хорошо известно, что конференция должна состояться, только не в Екатеринославе, а заграницей, куда должен был поехать и делегат из Каменец - Подольска. По каким соображениям полковник Соколов это скрыл от своих Киевских коллег, — неизвестно.

Продолжение следует

НА ЧТО СПОСОБНЫ ТРУДЯЩИЕСЯ В РЕВОЛЮЦИИ

(Окончание)

Послушаем же гос. Е. Н. дальше. «Посмотрим же, являются ли подлинными революционерами все эти революционные анархисты. Так, например, парижские, берлинские и нью-иоркские революционные анархисты говорят очень часто о своей революционности, но свою революцию они устраивают.... в России. Не было, кажется, до сих пор ни одного случая, чтобы их революционность коснулась Франции, Германии или Америки. Все мы хорошо знаем, что все эти капиталистические страны не много лучше советской России... Но все эти революционные русские анархисты не проповедуют здесь почему то своей революции».

Можно ли себе представить более гнусную, демагогическую и провокаторскую выходку, чем употребляемая гос. Е. Н. против русских революционных анархистов? И это исходит из ума человека, пишущего об «идеальной красоте», «нравственной чистоте» и «непогрешимости». Его в дрожь бросает при воспоминании о русской революции.

Было бы полбеды, если бы этот плакальщик по правительству Керенского не подбивал под всей своей безнравственностью, клеветой и лицемерием печати анархизма и анархиста. Будь этот господин не то, что анархист, а просто честный человек, разве он позволил бы делать нелепые упреки русским революционным анархистам, что они, мол, живя в Париже, Берлине, в Нью-Иорке, не занимаются революционной работой на месте против капиталистической системы, а ведут против советского правительства, живущие же в России занимаются революционной работой против американской системы. Из каких источников гос. Е. Н. получает сведения о том, чем революционные русские анархисты занимаются в России, Германии, Франции и в Америке? Он без всяких сведений собственным умом сфабриковал все это, памятуя, что журнал «Пробуждение» является органом «свободной мы-

сли» и поэтому в нем может быть место всякому материалу — от анархических статей и до самой низкой клеветы и провокации...

Каковы бы ни были недостатки в деятельности русских революционных анархистов, а особенно тех, которые выброшены из России большевиками, все таки этим небольшим количеством людей написано и издано несколько брошюр и книг, переведенных на многие иностранные языки, по которым передовая революционная часть человечества знакомится с русской революцией и с той обманной ролью, которую сыграла большевистская партия в ней.

Что же вы, гос. Е. Н., как переживший рускую революцию и находящийся уже несколько лет за пределами России, сделали в этом отношении? Кроме разрушения того, что было создано тринадцатилетними усилиями русских революционных анархистов в С. Ш. и Кан. беспринципной критики большевиков, вами ничего не сделано.

Остановимся теперь на заключительных словах гос. Е. Н. «Мы разумеется никоим образом не можем примириться с советским правительством, но мы бессильны здесь свергнуть это невежественное правительство. Революцию в Америке мы тоже не устроим, если бы и хотели устроить. Вот почему мы думаем, что нам нужно заняться здесь творческой и культурной работой». Вот подлинное лицо г-на Е. Н.! В революцию соваться не будем, а будем лучше вести культурную работу. Чем хуже или лучше любого «милюковца»? Все же поясним, не ему, а читателям его статьи смысл анархической работы.

Когда Бакунин, Кропоткин и все предшествующие им революционеры, организовавши группу единомышленников и оповестивши рабочий народ о своем существовании, выпуском какой либо листовки или журнала, приступали к революционной деятельности, это не означало, что они уже совершали революцию. Нет. Такое начало всеми революционерами понимается, как начало подготовительного революционного периода. Так само и современные революционные анархисты смотрят на вопрос революции.

Свергнуть большевистскую реакцию и капитализм в других странах, мы в настоящее время не в силах. Но поскольку революция неизбежна, как в России, так и в Америке, — постольку анархисты должны приготовляться к ней и готовить массы. Подготовлять же народ к моменту революции нужно распространением подлинно революционной и анархической литературы, а не литературы монархического деспотизма, капитализма и лицемерного гуманизма. Последняя литература стремится воспитать в трудящихся презрение к революции и революционерам, недоверие к собственным силам трудящихся, а, следовательно, — поклонение власть имущим. Это делаете вы, г-н Е. Н., со всей рассветовской братией. Подобная ваша «подготовительная» работа подготовляет человека не в защитники революции, не созидателя новой свободной общественности, а подготовляет солдата контрреволюционной, белогвардейской армии. Мы не сомневаемся, что член конгресса Жансон, сенатор Бора, губернатор Фуллер и судья Тейер, убившие Сакко и Ванцетти, прочтя ваши наставления русской рабочей колонии, потрут руки от удовольствия и скажут: «Вот если бы все анархисты были таковы, как госп. Е. Н., мы немедленно внесли бы предложение Конгрессу о восстановлении гражданских прав анархистов Америки».

Подлинные революционные анархисты заботятся в первую очередь о прояснении классового сознания трудящихся, о развитии в них презрения к грабительской системе капитализма, о развитии в них духа протеста и бунта против этой системы. Революционные анархисты зовут к сплочению революционные силы труда, к штурму капиталистических и государственнических Бастилий во имя свободного, анархического коммунизма. Всем этим они идут навстречу основным надеждам и стремлениям масс.

Вы видите, гос. Е. Н., что между вашей рассветовской «подготовительной работой» и подготовительной работой подлинных революционных анархистов лежит непроходимая пропасть: за вашу работу с радостью ухватятся все власть и капитал имущие. Наоборот, нашу анархическую работу эти власть и капитал имущие проклинают, сажают за нее на электрический стул, но зато ей отдают свои симпатии, свою любовь эксплоатируемые и порабощенные всего мира.

Серодоенкое

К ВОПРОСУ О МУЗЕЕ ИМЕНИ П. А. КРОПОТКИНА

От редакции «Дело Труда».

Напечатание ряда заявлений по поводу событий, происшедших в музее имени П. А. Кропоткина, вызвало со стороны отдельных т-щей нарекания на редакцию «Дело Труда» за то, что она напечатала эти заявления. Все заявления были напечатаны по просьбе наших московских товарищей, подписавших и приславших эти заявления. Товарищи эти указывали на то, что: а) события в музее вынудили всех наиболее ответственных работников русского анархизма, находящихся в СССР, выйти из музея. Факт этот огромной важности, и наши московские товарищи считали необходимым довести о нем до сведения широкой анархической среды; б) московские товарищи не располагают никакой прессой в СССР; они поэтому никуда более не могли обратиться, кроме как в «Дело Труда», считая, что они имеют право на напечатание своих заявлений в «Деле Труда», а редакция журнала обязана поместить эти заявления. На основании этого редакция «Д. Тр.» сначала напечатала общую резолюцию 18-ти московских анархистов («Д. Тр.» № 39-40), а затем три заявления, дающие подробную информацию о происходящем в музее («Д. Тр.» № 44-45). Среди этих четырех заявлений наиболее реским по форме и тяжелым

по содержанию явилось заявление первой анархической Секции музея за подписью Атабекяна и др.

Редакции «Д. Тр.» был поставлен упрек за напечатание этого заявления и за то, что она не отмежевалась от его содержания. Со дня получения этого документа редакция находилась в крайнем сомнении относительно печатания его. Своим характером документ слишком обострял отношения одной и другой стороны. Однако, документ этот был направлен не только против руководителей музея, но одновременно и против товарища А. А. Борового за участие его в музее после ухода оттуда первой анархической Секции. Напечатать заявление т. Борового и не напечатать заявление Атабекяна, в котором поведение т. Борового подвергается критике и осуждению, значило бы дать группе Атабекяна основание упрекать журнал «Д. Тр.» в необ'ективности — в явном пристрастии к одной стороне и недоброжелательности к другой. Между тем, задача журнала состояла в том, чтобы возможно об'ективное осветить происшедшие в музее события и на основании этого сделать выводы. Вот почему редакция в конце концов решила напечатать весь материал, присланный нашими уважаемыми московскими товарищами. Это, однако, не означает, что редакция «Д. Тр.» солидарна с заявлением группы Атабекяна и с содержащимся в нем обвинением. Отнюдь нет. В «Д. Тр.» по делу музея были напечатаны заявления трех групп, несходящихся одна с другой и одна другую осуждающих. Из этих трех групп редакция «Д. Т.» солидаризируется с основной московской анархической группой, представленной товарищами Боровым, Рогдаевым, Бармашем и др. То обстоятельство, что после ухода из музея в 1925 году группы Атабекяна, т. Боровой вошел в музей в качестве товарища председателя, определенно говорит за то, что ни т. Боровой, ни работавшие с ним товарищи не были солидарны с публичным заявлением Атабекяна и др., иначе они не вошли бы в музей. Не солидарны с содержанием этого заявления и мы — редакция «Д. Тр.», ибо считаем, что публичный протест должен был бы выразиться в иных формах, не столь оскорбительных для отдельных лиц. Будучи напечатано в «Д. Тр.» на ряду с другими документами, заявление группы Атабекяна представляет собой *голос этой группы о выходе из музея* и только в таком смысле, а не в смысле политических обвинений, редакция «Д. Тр.» рассматривала и напечатала это заявление.

Ред. «Дело Труда».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи,

Хотя имеющийся в Вашем распоряжении материал — завления группы бывших членов Научной секции и отдельно бывшего Товарища Председателя Комитета т. Борового, вполне достаточны для полного отображения порядков, господствующих в стенах музея, посвященного памяти Кропоткина, тем не менее група товарищей, поручила нам высказаться, хотя-бы в беглой форме, по поводу отдельных положений, нашедших место в заявлении, полученном Вами от Комитета за подписями С. Г. Кропоткиной и Н. К. Лебедева.

А) Первое и наиболее существенное из них заключается в том, что в стенах музея, якобы, не ведется проповеди мистицизма. Заявление это не соответствует истине. Не только для московских анархистов, но и для более широких кругов, интересующихся судьбами нашего движения, не составляет тайны, что анархическая Секция Музея есть приют «анархо-мистицизма». Признанные руководители этой секции мистической сущности своего мировоззрения не скрывают и, наоборот, утверждают свое учение всеми способами, находящимися в их распоряжении. Это заявление Комитета кажется особенно забавным именно потому, что и С.Г. Кропоткина и Н. К. Лебедев присутствовали на специальном диспуте т. Борового в стенах музея с одним из членов секции, защищавшим мистическое мировоззрение. По окончании этого диспута некоторые из присутствовавших членов Комитета выражали желание продолжения его, а со стороны члена Секции, выступавшего с докладом последовало даже предложение о приглашении для беседы на тему о мистическом мироощущении одного из наших писателей, известного как основоположника «мистического анархизма». И только энергичные протесты т. Борового и использование им его права — товарища председателя Комитета — воспрепятствовали превращению дома Кропоткина — материалиста, позитивиста и атеиста — в место заслушания и обсуждения докладов на мистические темы. Обычной аргументацией членов Комитета, не имевших мужества открыто заявить себя сторонниками мистического лагеря, но склонных поддерживать оппортунистические и упадочные настроения, была ссылка на «многогранность» Петра Алексеевича, на многообразие его умтсвенных интересов, как будто у П. А. Кропоткина не было достаточно определенных заявлений о совершенной непримиримости его учения с какими-либо мистическими настроениями.

Разумется, в аудитории Анархической Секции мистика подается под более или менее искусно изготовленными анархическими соусами, но разве только абсолютно малограмотный человек не сумел бы разобраться в ралигиозно-философских истоках анархического учения, преподносимого мистиками. Мистическое течение в анархизме — глубоко реакционно и по своим основаниям и своим практическим выводам, и именно С. Г. Кропоткина должна была бы с особенной чуткостью реагировать на его внедрение в стенах Музея.

Б) Второе утверждение, что подписавшие заявление, за исключением товарища Председателя Комитета, не состояли в Комитете и, следовательно, не могли из него выходить — само по себе представляет весьма малый интерес.

Прежде всего оно несогласно с истиной, так как одновременно с тов. Боровым вышли из состава Комитета и другие его члены — т.т. Медынцев, Озеров, Озерова, Отверженный, Пиро, Чембарев, Чембарева. Но главное, разумеется, заключается не в том — кем были 11 товарищей подписавших заявление, членами ли Секции Комите-

та или членами Комитета, формально проведенными через Общее собрание, а в том, что 11 товарищей, среди которых несколько пользуются давней и прочной известностью в рядах анархического движения, чего не достает как раз благополучно процветающей в стенах Музея анархической Секции, *не могли стать членами Кропоткинского Комитета.* И по этому вопросу ничего удовлетворительного ни ранее, ни сейчас не могут сообщить нам ни Почетная Председательница Комитета — С. Г. Кропоткина, ни Секретарь его — Лебедев.

В) Наконец, указание, что в Музее остались анархисты, не имеющие ничего общего с мистикой, представляется несерьезным. Таких анархистов там один или два, анархистов безответных и никакой работы не ведущих. Ссылка на М. П. Сажина является совершенно неубедительной. М. П. Сажин пользуется среди всех нас глубоким уважением. Но он никакого участия в работе Комитета не принимал и не принимает и, думаем, не возьмет на себя ни в какой форме ответственности за действия Комитета. Тов. Боровой удостоверяет, что за все время его работы в Комитете М. П. Сажин присутствовал лишь на единственном заседании. И в этом заседании, оставшись в меньшинстве по вопросу, казавшемуся ему принципиально важным (о предоставлении помещения Кропоткинского Музея для заседания инициативной группы Бакунинского Комитета), он заявил, что больше ему «здесь делать нечего» и удалился из заседания. С тех пор он заседаний Комитета не посещал.

Мы считаем излишним входить еще раз в общую оценку создавшегося положения. В ранее посланных нами заявлениях история с Кропоткинским Комитетом получила достаточно полное и яркое освещение.

С анархическим приветом: *А. Боровой:*

Н. Рогдаев; В. Котляревский; М. Фомин; В. Бармаш.

5/II-29 г.

ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ В МУЗЕЕ ИМЕНИ П. А. КРОПОТКИНА

Некоторые товарищи просят меня высказаться о совершившемся в стенах Музея. Анархический мир знает о существовании в России анархического музея имени П. А. Кропоткина. Он слыхал уже о выходе из этого музея личного друга Кропоткина и всей его семьи — тов. Атабекяна еще несколько лет тому назад. В 1928 году вновь вышел ряд товарищей в том числе и т. А. А. Боровой, который раньше находил для себя не удобным солидаризироваться с группою Атабекяна в вопросах Кропоткинского музея и на которого — как бы там ни говорили, теперь, задним числом, что он ничего в музее не делал — руководители музея опирались, как на анархическую чистоту и цельность, в своей борьбе против т. Атабекяна. Но теперь и т. Боровой вышел из Кропоткинского музея, а с ним ряд других нам известных товарищей. Они оставили это единственное в России открытое анархическое учреждение, в котором, по-моему, только и можно было нашим товарищам вести кое какую открытую анархическую работу. Таким образом, те, кто может страдать и мыслить и в связи с этим работать на пользу движения, к кому десятки лет труженики прислушивались и кто мог бы, уцелевши, наметить общий путь к тому, чтобы вывести движение хотя в будущем на простор из того тупика, в каком оно находится в настоящее время, — не находят себе места в стенах музея имени Коропоткина. Эти товарищи принуждены писать коллективные документы ко всем своим идейным единомышленникам, чтобы раз'яснить им — почему именно им нет места в музее имени того, в ком многие из них видели своего учителя, чьи идеи они непосредственно подхватывали и развивали в массах. На эти документы появляются контрдокументы и создается большой коллективной важности и коллективного характера спор, задевающий старых испытанных борцов за анархический идеал.

При таком положении дела нам становится особенно тяжело, ибо мы ведь разбираемся в нем издалека, на расстоянии.

Порой появляется желание посоветовать Софье Григорьевне Кропоткиной вместе с ее товарищами и помощниками в делах музея — с одной стороны, — и товарищам группы т. А. А. Борового (как ее здесь называют) — с другой — встретиться более спокойно и сообща найти пути к устранению всего этого, считаясь с тем, что анархический музей имени П. А. Кропоткина является единственным революционным учреждением в России, которое нельзя рассматривать с фракционной точки зрения: в нем место всем анархистам атеистам и материалистам.

Однако, когда вчитываешься внимательно в коллективные документы группы т. А. А. Борового, а также в письмо Софьи Григорьевны Кропоткиной к т. Рамюсу, то приходишь к убежденю, что подобное пожелание неосуществимо. По коллективным документам видно, что в музее атеиста и материалиста прочно уселись «анархисты»-мистики, что даже анархическую секцию комитета по увековечиванию памяти анархиста атеиста и материалиста Кропоткина, представляют «анархисты» мистики.

По письму же Софьи Григ. Кропоткиной к Рамюсу и вообще по ее заявлениям можно думать, что группа с товарищем Боровым занимается просто анти-товарищеским делом против музея и ее лично, что никакого мистицизма в стенах музея никто не проповедует. Мистики, дескать, если они, быть может, и имеются среди анархистов в доме музея, то их нет у дел музея и т. д.

Отрицание Софьи Григорьевны Кропоткиной того, что вскрывает т. А. А. Боровой и др. анархисты, меня удивляет. Я его считаю не серьезно продуманным отрицанием, потому что всего около года тому назад мы имели возможность читать коллективный документ анархистов в американском «Рассвете» (документ этот был обращен к анархистам), в котором анархический черный крест (в Москве) одергивал Александра Беркмана за его зарывание в деле помощи нашим товарищам в большевистских тюрьмах. На этом документе Софья Григорьевна Кропоткина подписалась вместе с лидером «анархистов» — мистиков А. Солоновичем и неизвестным мне Аносовым от

имени анархической секции комитета по увековечиванию памяти П. А. Кропоткина. Эта совместная подпись Софьи Григорьевны Кропоткиной с А. Солоновичем что либо да говорит ведь не в пользу ее теперешних отрицаний...

Но не в этом главная суть дела. Истинное существо представшего перед всеми анархистами дела заключается в том, кто же увековечивает память П. А. Кропоткина, кроме уважаемой нами всеми Софьи Григорьевны и еще двух-трех человек возле нее — там в России?

Говорят, что увековечивает память П. А. Кропоткина г. Пальчинский, соратник временного правительства, который числится за судом и уже присужден к 10-ти годам тюрьмы далеко не за анархическое дело и вообще не за революционное.

Значит г. Пальчинский, который никогда не исповедывал и не будет исповедывать основных идей многостороннего анархиста и ученого Кропоткина, призван увековечить его память, а идейные его последователи и друзья не находят себе даже места в стенах музея его имени...

А ведь можно безошибочно утверждать, что из официальных руководителей музея ни один непосредственно не сделал и сотой доли того, что сделал любой из членов группы Борового. О каждом из них можно сказать много ценного и положительного, что они на протяжении ряд лет принесли анархическому движению. Особенно можно многое сказать об идеологической работе т. Борового. Но в данном случае я остановлюсь только на Николае Рогдаеве которого я знал в практической работе на Украине с 1906-7 г.г.

В течение десятков лет в самые тяжелые времена для анархизма в России т. Николай Рогдаев появлялся непосредственно среди трудовых масс, подымал их духом анархизма, воспитывал, организовывал из них анархические группы и вселял в них веру в этот великий идеал. Вся южная часть Украины слыхала из непосредственных уст Рогдаева идею Кропоткинского анархизма, тогда как многие, в том числе и сам П. А. Кропоткин, этого не могли делать.. Правда, здесь не место остановиться на его идейной и политической работе среди трудящихся, на результате этой работы. Мне хочется сказать лишь то, кто не помнит его выступления на Амстердамском анархическом Конгрессе, которым до сих пор восхищаются некоторые наши итальянские товарищи...

На днях я виделся с выдающимся итальянским анархистом *Луиджи Фабри* и надо было видеть, с каким волнением и восторгом он вспоминал и говорил о Рогдаеве, как о выдающемся анархическом ораторе и политическом работнике. (т. Л. Фабри вместе с Рогдаевым участвовал на Интернациональном Анархическом Конгрессе в Амстердаме в 1907 г.). А его диспуты с врагами анархизма! Обойдите все рабочие кварталы предместий г. Екатеринослава, войдите в доверие крестьянских масс с. Вознесенки и рабочих г. Александровска и многих других сел и городов — вы встретите стариков рабочих и крестьян, вы услышите от них слово «непобедимый», «истинный» борец за правду». Эти слова относятся к Николаю Рогдаеву. То он, в невероятно тяжелых нелегальных условиях в присутствии этих тружеников вызывал сам и принимал вызов врагов анархизма из под флага социалистов государственников — меньшевиков, большевиков, социалистов-революционеров. Это он, Николай Рогдаев в присутствии шести-восьми сот крестьян и рабочих в царские времена подполья, в ночную пору где-либо в поле вел эти диспуты с врагами анархизма и на глазах массы выходил полным победителем; социалисты государственники теряли до сих пор воспитываемые ими трудовые массы, оставались ни с чем, на месте их кружков создавались анархические кружки и вырастали группы.

Тем, кем был т. Рогдаев 20-25 лет тому назад, остается он и теперь. И теперь он остается непосредственной, честной революционно-анархической личностью бакунинско - кропоткинского направления в анархизме - коммунизме. Но и ему, как и его идейным друзьям из группы Борового и самому Боровому, в силу создавшегося положения (по их документам) в стенах музея имени П. А. Кропоткина нет места.

Это то, о чем нельзя молчать и что ответственные официальные руководители комитетом должны принять во внимание и поспешить исправить свою тяжелую ошибку. В противном случае широкая действенная анархическая масса, которая не привыкла кумовским образом разбирать коллективных дел, поймет их поведение в данном случае не так, как понимают его одиночки, способные ползать на брюхе перед именами, и не сегодня, так завтра сможет потребовать их к суду. *Особенно это может и должно случиться, когда широкая действенная русская анархическая среда окончательно убедиться, что музей имени П. А. Кропоткина не есть частная собственность одного или двух лиц.*

Нестор Махно.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Появившиеся в газете «Рассвет» две статьи — первая от 25-го ноября 1928 г. под названием: «До чего доходят клеветники» за подписью А. В.; — вторая от 3-го января сего года — под названием: «15-ть вопросов анархистам» за подписью — «Читатель «Рассвета», — — принадлежат перу А. Вышинского из г. Балтимора Мд. Содержание обоих статей — злобное, клеветническое, лживое по адресу т. П. Аршинова. Считая своим нравственным долгом стать на защиту чести и достоинства анархиста революционера, отдающего все свои силы и способности на служение анархическому идеалу, против недопустимых — клеветнических вымыслов со стороны идейно обанкротившегося г. А. Вышинского, мы группа Ан.-Ком. г. Балтимора заявляем следующее:

А. Вышинский ратующий, якобы, о судьбе анархизма — ничего общего с таковым не имеет. Доказательством этому служит его поддержка и защита такого великого обманщика Федерации « Волна » и разрушителя русского анархического движения Соединенных Штатов и Канады, как Е. Моравский; его братание с руководителями « Рассвета » и « Пробуждения», с контр-революционным белогвардейским элементом в Америке; его подражание властнически-эксплоататорски-поповскому национализму и антисемитизму; его четырехлетняя клевета на анархистов, поддерживающих

анархический и революционный дух в русской трудовой колонии г. Балтимора; его клеветническое заявление пред группой русских рабочих г. Балтимора (в русской бакалейной лавке 25 августа 1928 г.), что «В. Худолей сделался противником «Рассвета» и «Пробуждения» потому, что он перешел на сторону большевиков и что во главе парижской группы «Дело Труда» стоит большевистский провокатор, задавшийся целью разрушить русское анархическое движение заграницей»; и, его участие в тайной продаже наборных машин, приобретенных русским анархо-ком. движением Соединенных Штатов и Канады, в пользу газеты «Рассвет», служащей интересам белогвардейской эмиграции и разрушающей анархическое движение в Америке и т. п.

Злобные же выкрики г. А. Вышинского о том, что, как будто, т. Аршинов сознательно задался целью разрушить анархическое движение, и, что, как будто, т. Аршинов в своих статьях на страницах «Дело Труда» называл т.т. Малатесту, Ж. Грава, Волина и Горелика хулиганами и ругал т. Лазаревича — является ничем иным, как провокационной выходкой г. А. Вышинского совместно с Моравским, Рубежаниным и Карпиком с целью огрязнить и дискредитировать в глазах читающих «Рассвет» рабочих, т. Аршинова, парижскую группу и всех революционных анархо-коммунистов, ведущих с ним анархическую работу, за их смелое выступление на страницах «Дело Труда» против лицемерия и предательства руководителей «Рассвета» и «Пробуждения» в русском анархическом движении Соединенных Штатов и Канады.

Группа Ан.-Ком. г. Балтимора Мд.

30 января 1928 г.

ОТВЕТ РАБОЧЕГО М. ГОРЬКОМУ

Прочтя ответ М. Горького под заглавием: «Механическим Гражданам», нельзя не возмутиться тем лицемерием и той ложью, с какой этот истинно советский гражданин характеризует «врагов» рабочего народа. Весь ответ переполнен выдержками такого содержания, что для заграничного читателя может показаться, что советская власть ненавистна только сторонникам личного благополучия — властвования над людьми, что ею возмущаются только те, кто думает свергнуть большевизм и посадить монарха или президента, который вернет земли старым помещикам.

Напрасны эти опасения: русский народ не вернется к старому. Это прекрасно знает и Горький. Он не настолько глуп, чтобы не понять, что протесты старых бюрократов, это — звук в пустыне, которого никто не услышит. Высмеивая последних, Горький ничего не сказал о тех, кто протестует против ложного коммунизма; кто в большевизме видит новое название, под которым кроется старая суть, но с еще большими несправедливостями и подлостями...

Горький говорит о прогрессе в России; ставит это в заслугу коммунистам, сумевшим в 11 лет достичь тех результатов, какие там имеются. Не будем говорить о том, что капиталистические страны в несколько раз перегнали Россию развитием своей промышленности (в особенности если считать пропорционально населению). В этой заметке мы хотели бы указать, как ничтожны достижения, в сравнении с теми жертвами, какие нес и несет русский трудовой народ. Возьмем крестьянство. Оно в целом превращено в арендаторов государства, платящих большие налоги, чем платили в старое время арендаторы помещичьих земель. Рабочие, в течении нескольких лет восстанавливая промышленность и транспорт, получали по 10 или 12 фун. соли в месяц в счет оплаты труда. И если подсчитать, какие колоссальные средства собирает советское правительство, в виде прямых и косвенных налогов; как низко оплачивается труд рабочего, (спасибо, что уже не солью, а червонцами), то невольно удивляешься, как много пожирает новая коммунистическая бюрократия. А эта бюрократия многочисленнее старой. К новой бюрократии можно причислить и Горького. Ибо считать себя сторонником народа; сочувствовать его стремлениям и вместе с тем без угрызения совести тратить деньги, взятые у народа при помощи эксплоатации и ГПУ, могут люди только с большевистской моралью. По этой морали только «труд» Горького, «труд» спеца, «труд» нэпмана или старого коммуниста дает право на заграничные отпуска для «поправки» здоровья. Рабочие этого права не имеют. Из рабочих, которые всю жизнь провели у станка и потеряли здоровье, никого не послали лечиться за границу за народные деньги; им нередко на месте приходится быть без самой необходимой медицинской помощи...

М. Горький, забыв нищету, забыв ненависть, с какой он смотрел на казенные встречи «высокопоставленных» людей в былое время, согласился быть встреченным и в умилении расплакался. Странно, что он забыл недавнюю историю с Троцким, которому по приказу устраивались парады войск. Но Троцкий не плакал, ибо знал, что те же, что его встречают, сошлют в ссылку, если прикажет высшее начальство (что впоследствии с ним и случилось... Не имея возможности ответить на все благоглупости, написанные Горьким, постараемся осветить некоторые из них.

Как не удивляться тому, что Горький, сидя в Италии, только раз проехал по России экстренным поездом, считая, что он прекрасно изучил быт нынешней России. В былые времена, он пешком колесил Россию и только благодаря этому дал столько характерных и справедливых видов старой России в своей «Исповеди». Чтобы добраться до живой правды о нынешней России, не мешало бы и теперь подобным способом изучать ее. В результате описание получилось бы более справедливое. Говоря о свободе слова и печати в России, Горький только повторил чекистскую брехню: у нас нет мол, буржуазной печати, а только рабочая, свободная. Горькому прекрасно известно, что кроме казенных коммунистических газет в СССР никаких не существует. И если бы рабочие организовали свою свободную газету, то сразу полетели бы на отдых в Соловки. Ему так же известно, что заграничные газеты читают только правящие верхи. А если бы обыкновенный рабочий вздумал выписать заграничную газету, то за это его опять сослали бы в Соловки, как контр-революционера.

Далее. Горький говорит, что люди побывавшие на каторге за политику, для него полусвятые. Кто отрицает это? Кто осудит их за это, если они стремились к социальному равенству и после революции не стали паразитами трудового народа? Но таких среди правящих большевиков нет. Одни из них погибли на фронтах в революционных боях, а те, что остались в живых вышли из партии после введения нэпа и никакой роли в судьбах трудового народа не играют; их за малейший протест против измены трудовому народу гноят в тюрьмах и в ссылке. Правит трудовым народом свора властолюбцев, эксплоатирующая вековые стремления трудящихся к свободе и социальному равенству. Благодаря обману и систематическому терору этой своре удается держаться над трудящимися.

Первые годы диктатуры рабочих и крестьян кормили обещаниями: потерпите, мол, пока не будет ликвидирована контр-революция, пока не кончится гражданская война; тогда внутренние противоречия и недочеты быстро устраним. Гражданская война давно кончена. Внутренние противоречия не только не устранены, но выросли до прежних, дореволюционных размеров. Введен нэп, укрепляется капитализм. Наемный труд и эксплуатация стали *основою* большевистского царства. А над всем этим высится чудовищная система полицейского государства.

Трудящиеся, как паутиной, окутаны сетью государственных органов, которые следят за каждым словом, за каждым движением рабочего люда. Народ, подавленный, безмолвствует. Но придет время, когда он сбросит и новых повелителей и поразитов и сам будет управлять собой.

Ломоть.

Буэнос-Айрес.

ХРОНИКА ГОНЕНИЙ В СССР

В ГПУ покончил самоубийством литератор *Троянов*, писавший сатиры на властей предержащих. За что был взят и заключен — неизвестно. По убеждениям — анархист. Старый участник движения еще в студенческие годы 1906-7. В тюрьме же сидит *Евгений Тегер*, тоже анархист-индивидуалист. До этого он работал на дипломатическом поприще. Арестован в Москве и сослан на три года в Оренбург т. *Пиро* за связь, якобы, с оппозицией, к которой он на самом деле не имел никакого отношения. В Усть-Сысольск выслан молодой революционный писатель *Миров*, написавший прекрасную революционную повесть — «Смерть Исидора Лютого» (напечатана в советском журнале «Недра»). Арестован в Москве и выслан анархист *Саблин*.

МАРУСЯ ТАРАТУТА

В январе с. г. в Москве умерла Маруся Таратута (Роза), одна из пионеров рабочего анархического движения в России. В годы первой русской революции — 1905-7 — Маруся Таратута играла активную роль в русском анархическом движении. Особенно она известна была на Украине и в Белостоке, как пропагандистка и организационная работница анархизма. Маруся примыкала к тому течению русского анархизма, которые в прошлые годы именовалось «чернознаменским». Она принимала непосредственное участие в организации и издании «Бунтаря», сыгравшего огромную роль в настроениях русских анархистов в 1906-7 г. г. (вышел лишь один номер, за дек. 1906 г.).

После февральской революции 1917 г. активного участия в анархическом движении Маруся, по ряду обстоятельств, не принимала. К большевизму и большевистской политике в революции она относилась отрицательно.

6-го января с. г. она была похоронена в Москве группой наших товарищей, ее соратников по борьбе за анархизм.

Память о ней навсегда сохранится у всех, кто знал ее, кто с ней жил и боролся во имя анархизма в тяжелые годы первой русской революции. Надеемся, что товарищи, близко знавшие Марусю и ее работу в русском анархическом движении, позаботятся написать о ней полный некролог.

ТЕРРОР В БОЛГАРИИ

Ко всем анархистам, ко всем рабочим!

Товарищи!

Снова мы обращаемся к вам всем с просьбой поднять энергичный протест против нового варварства и жестокостей, которые правительство Ляпчева применяет в борьбе с политическими заключенными в болгарских тюрьмах.

В то время, когда Ляпчев хвастается перед европейским общественным мнением своим демократизмом, его слуги — чиновники, судьи полицейские употребляют всяческие средства, чтобы задушить единодушный крик всего народа, требующего полной амнисти для всех политических заключенных и политических эмигрантов. Условия жизни заключенных столь ужасны, что кажутся почти невероятными. Чтобы дать всем возможность оценить положение наших товарищей и политических заключенных в тюрьмах господина Ляпчева, мы приводим ниже письмо политических заключенных в окружной тюрьме Сливэн (город, болгарского Манчестера).

Вот содержание письма:

Преступления в болгарских тюрьмах. Еще одно преступление болгарских судебных и тюремных властей, еще одна картина из жизни болгарских политических заключенных.

На 8-ое января 1929 г. все политические заключенные Сливэнской Окружной тюрьмы об'явили двухдневную голодовку, чтобы таким образом, привлечь общественное внимание на требование полной амнистии для всех политических заключенных и политических эмигрантов.

Независимо от этой голодовки администрации тюрьмы было подано больше 100 заявлений политических заключенных, в которых последние письменно выражают

свой протест против заключения и требуют амнистии.

Однако, бушующая реакция, верная своим садистским инстинктам, проявляет свойственное ей варварство. Прокурор при Сливэнском Окружном суде употребил самые жестокие средства, чтобы заставить политических заключенных прекратить голодовку. Он выстроил половину караульных солдат тюрьмы, вывел всех политических заключенных и сказал, что каждый желающий погибнуть от побоев может отказаться от кушанья. И когда заключенные, несмотря на угрозы, продолжали держаться твердо и не прикасались к еде, он приступил к исполнению жестокого наказания: бить до смерти и сажать к карцер непослушных арестованных.

До сих пор в карцере находятся 17 заключенных: 5 наказанных на 7 дней карцера, 11 на 15 дней и один на 20 дней. Вот имена наказанных карцером: Теодор Павлов, Никола Желязков, Марко Митевский, Богумил Драганов, доктор Пашев, Стойко Георгиев, Петко Петров, Георгий Курдов, Марко Драганов, Атанас Братов, Стефан Златев, Стоян Златев, Петко Игнатев, Д. Рандев, Трифон Костов, Иван Гатевский, Атанас Кабов.

Наказаны карцером 8 женщин. Штилияна Лазарева, Т. Стоянова, Злата Иванова и др.

Все наказанные карцером сидят в одиночках. Они лишены прогулки и права выходить за самой элементарной физиологической потребностью.

Наказанные карцером имеют право выходить из одиночки на 10 минут в сутки для того, чтобы вынести экскременты из одиночки.

Разве недостаточны 4 жертвы карцера Сливэнской тюрьмы в 1927 году. Тачо Петров, Георгий Павлов, Ст. Курдов, Гр. Чекалов? Болгарские палачи желают все новых жертв политических заключенных.

Вот почему священный долг каждого рабочего в Болгарии и в других странах поднять громкий протест и спасти от смерти, заключенных в карцере болгарских рабочих — жертвы реакции в этой стране.

Политические заключенные в Сливэнской тюрьме.

7 февраля 1929.

За сведениями и со всякой помощью для жертв реакции обращаться в Болгарский Комитет. Адрес:

Pierre Odeon, 72, rue des Prairies, Paris XX.

**
*

Нью-Йоркская группа ан.-ком. уведомляет все группы и отдельных товарищей о том, что организуемый ею розыгрыш двух золотых часов назначается на 1-ое мая этого года. Поэтому просьба ко всем группам и отдельным товарищам распространить как можно больше взятых билетов и позаботиться затем к первому маю возвратить в Нью-Йоркскую группу деньги и оставшиеся билеты. Те товарищи, которые билеты на розыгрыш не получили, но желают их получить, пусть обращаются по адресу Нью-Йоркской группы:

С товарищеским приветом

Нью-Йоркская Группа А. К.

ОТЧЕТ

заграничной организации русских Ан.-Ком. «Дело Труда» от 7 февраля по 15 марта 1929 г

Приход:

Остаток на 6 февраля 1929 г. — 1 англ. ф. 10 шил., 43 д., 19 фр. 70 с.; от Шехова из Монреаля — 1 д.; от Детройтской Группы «Самообразование» — (14 д.) 350 фр.; от Союза Росс. Труж. г. Монреаля — (31 д. 75 с.) 793 фр. 75 с.; от т. Бел. за «Д. Тр.» — 3 фр. 75 с.; из книжного магазина за 5 кн. — 16 фр. 25 с.; от т. Жоржа за книгу — 6 фр.; от т. Хаджиева за книги — 15 фр.; от т. Урбанович за «Д. Тр.» — 25 фр.

Всего: 1 англ. ф. 10 шил. 44 д. 1229 фр. 45с.

Расход:

Экспедиция № 44-45 — 342 фр. 50 с.; Техническая экспедиция № 43 — 45 фр.; Уплочено въ типографию за № 44-45 — (1500 фр.) 31 дол. 725 фр.; Корреспонденция — 60 фр.; Дорожные расходы — 56 фр. 10 с.

Всего: 31 дол. 1228 фр. 60 с.

Приход: 1 анг. ф. 10 шил. 44 дол. 1229 фр. 45 с.

Расход: 31 дол. 1228 фр. 60 с.

Остаток на 15 марта 1929 г.: 1 анг. ф. 10 шил., 13 дол., 85 с.

Примечание: не доплачено въ типографию за № 44 - 45 1240 фр.

ОТЧЕТ

комиссии по проверке финансовой книги федерации Анархо-Коммунист. Групп Сев. Америки и Канады от 30 октября 1927 г. по 10 февраля 1929 г.

Приход:

Поступило для покрытия расходов прошлой конференции — 7 дол.; поступило в фонд Федерации — 3 дол.; поступило на «Дело Труда» — 162 дол. 65 с.; из Сэн-Луиса за книгу Большевистская диктатура в свете анарх. — 10 дол.; поступило в агитационный фонд — 17 дол.; от Балтиморской группы на «Дело Труда» — 123 дол. 75 с.; на польский журналъ «Валька» — 20 дол.; на переезд тов. Ч. — 30 дол.; для заключенных товарищей — 20 дол.; от Балтиморской группы в издательский фонд — 500 дол.; переходная сумма — 401 дол. 84 с.; поступило для тов. Махно — 10 дол.; взаимообразных — 250 дол.

Итого — 1555 дол. 74 с.

Расход:

Послано на издание книги «Большевистск. диктатура в свете анарх». — 250 дол.; на книгу тов. Махно — 350 дол.; послано на переезд тов. Ч. — 180 дол.; за печатание резолюций прошлой конференции — 8 дол.; за напечатание подписных листов — 1 дол. 75 с.; послано в «Дело труда» — 272 дол. 94 с.; послано тов. Махно — 10 дол.; послано полит. заключенным — 30 дол.; послано в польский журнал «Валька» — 20 дол.; выдано раз'ездному агитатору — 57 дол. 44 с.; мелкие расходы — 13 дол. 40 с.; для покрытия дефицита «Д. Т.» 200 дол.

Итого — 1393 дол. 53 с.

Приход 1555 дол. 74 с.

Расход 1393 дол. 53 с.

Остаток 162 дол. 21 с.

Получено для т. Махно: От группы монреальских т—щей через т. П. Данина (13 д.) 325 фр.; — от группы монреальских т—щей через т. Д. Душина 20 д.

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris